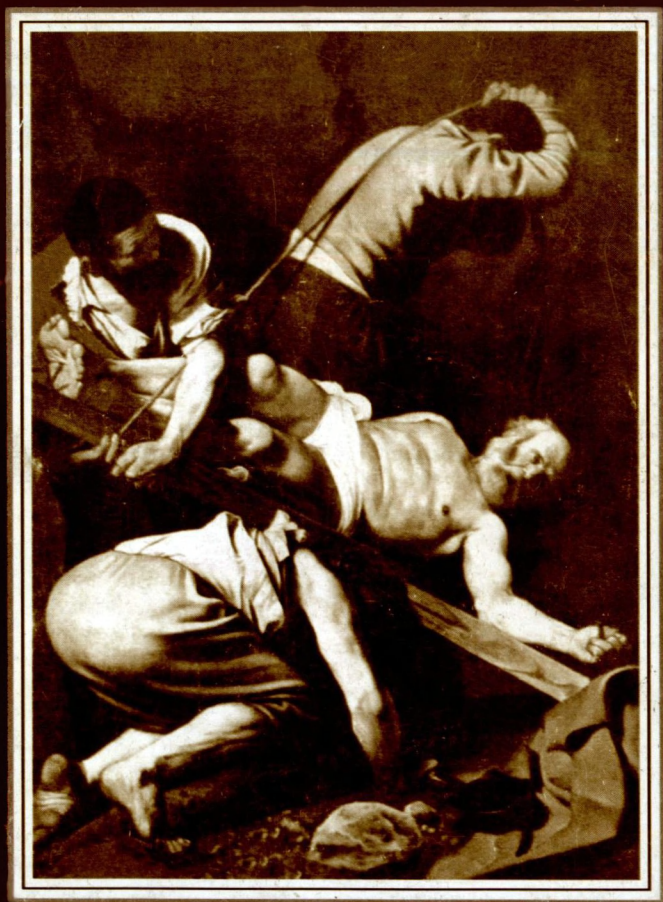

ПОВЕДЕНИЕ ДРЕВНИХ ХРИСТИАН

ПОВЕДЕНИЕ ДРЕВНИХ ХРИСТИАН

В ОТНОШЕНИИ К ЯЗЫЧНИКАМ

ИЛИ

ПРИМЕРЫ БЛАГОЧЕСТИЯ СРЕДИ СОБЛАЗНОВ

**СОЧИНЕНИЕ
АРХИМАНДРИТА МАКАРИЯ**

1996

Издание напечатано по оригиналу 1858 года, одобренному цензором Санкт-Петербургского Комитета Духовной Цензуры протоиереем Иоанном Яхонтовым 12 июня 1857 года

Книга эта увидела свет 138 лет назад. Однако не устарела — наоборот, стала актуальнее, чем во времена архимандрита Макария, жившего, в отличие от нас, в Православном государстве. Слишком много схожего в положении христиан древних и современных, более 70 лет переносивших гонения, по жестокости и масштабу вполне сравнимые с декиевыми, а по изуверству и изощренности иногда превосходящие.

Слава Богу, времена открытых гонений закончились, наступил внешне спокойный период: правители, порой, ходят в храм; за исповедание веры Христовой не мучают, не преследуют, не убивают. Но современные христиане живут в обществе безбожников и неоязычников, сохранившем и преумножившем традиции язычества древнего...

Милостью Божией на Руси восстанавливаются храмы и монастыри, все больше становится верующих людей и Бог даст, заживем мы в Православном государстве, где еретики и язычники станут редким исключением. А пока нам так нужна книга архимандрита Макария: она полна примеров того, как сохраняли веру, не отступали с пути спасения, удерживались в дьявольском водовороте мира сего, в назидание и утешение нам, древние христиане.

В настоящее издание внесены некоторые исправления: изъяты языковые и стилевые анахронизмы; огромный библиографический массив в виде многочисленных постраничных сносок сформирован в перечень творений святых отцов церкви и книг, упомянутых в тексте. Несколько изменена и композиция: книга разделена на главы и подглавы, которым даны названия, взятые из текста.

В целом же содержание, авторский стиль оставлены без изменений.

ISBN 5-78-54-0007-3

© Архимандрит Макарий, 1858 г.
© Исправления, оформление,
макет – издательская группа,
Ростов-на-Дону, 1996 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
I. Взаимоотношения древних христиан и языческих правительств	
Спокойные времена	6
Времена гонений	26
II. Поведение древних христиан в жизни общества	
Любовь к ближнему	52
О непозволительности мщениа	56
Милосердие	59
Врачевание и изгнание злых духов	61
Молитвы за язычников	67
Государственная служба	71
Воинская служба	78
Торговля и ремесла	85
О запрещении астрологии, магии, гадания	94
Философия и литература	96
О вреде зрелищ	101
Духовные наслаждения	111
III. Устройство домашней жизни древних христиан	
Отношения в семье	113
О запрете на брак с язычниками	116
Христиане и язычники в одной семье	121
Дружба с язычниками	128
Трапеза	129
Рабы и господа	130
Одежда и украшения	137
Заключение	144
Перечень творений святых отцов церкви	145

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь христиан первенствующей церкви нигде не подвергалась столь тяжким бедствиям и вместе с тем не раскрывалась в такой силе и чистоте, как при взаимоотношениях их с язычниками. Древние христиане жили среди их обществ, по свидетельству Оригена, «как светила в мире», т. е. освещали своим поведением их страны, которые погружены были во мрак невежества и разврата. По словам святого Иустина мученика, «... они жили в своем отечестве, как пришельцы. Всякая чужая страна была для них отечеством, и всякое отечество было чужой страной. Жили во плоти, но не по плоти. Находились на земле, но были гражданами небесными. Повиновались установленным законам, но своей жизнью их превышали. Любили всех, и всеми были преследуемы. Их не знали, но осуждали; умерщвляли их, и они оставались живы; они были бедны, но многих обогащали. Всего лишались, и во всем изобиловали. Бесчестили их, но они тем прославлялись; поносили их, а они оставались

праведны; злословили их, — они благословляли; наносили им обиды, и вместе уважали; они делали добро, но их наказывали, как злодеев; будучи наказываемы, радовались, тем самым оживая... Словом, что в теле душа, то в мире были христиане».

Враги христиан — язычники невольно удивлялись их безукоризненному поведению и нередко оказывали им не только тайное, но даже явное уважение и предпочтение пред своими единоверными.

Столь высокое поведение первых христиан по отношению к язычникам заслуживает особенного внимания. Здесь мы, с одной стороны, можем видеть, как несправедливо поносили и преследовали их язычники, а с другой, — заимствовать примеры для нашего обучения, для обличения, для наставления в правде.

Древние христиане были управляемы языческими императорами, жили с язычниками в одних обществах и находились с ними в тех или иных домашних отношениях. Поэтому поведение древних христиан следует раскрыть с трех сторон: в отношении к правительству; в жизни общественной и в жизни домашней.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДРЕВНИХ ХРИСТИАН И ЯЗЫЧЕСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Промыслу угодно было, чтобы христиане, распространяясь мало-помалу, не имели до известного времени своего единоговерного императора, а были подданными императоров языческих, и за исповедание своей веры, по их отечественным законам, были осуждаемы и наказываемы, как преступники. Рассматривая поведение христиан в отношении к языческому правительству, мы представим его отдельно от поведения их во время гонений, воздвигаемых также по определениям правительства.

СПОКОЙНЫЕ ВРЕМЕНА

Древние христиане не только никогда не были возмутителями против императоров, а напротив, с охотой повиновались им и оказывали самое искреннее почтение, чего требовала исповедуемая ими вера. Первенствующие

христиане смотрели на императоров, как на людей, поставленных и вознесенных самим Богом, и управляющих народом не иначе, как силой Его всемогущей власти. Это понятие Тертуллиан выражает так: «Император велик, поскольку признает в Боге неба и земли своего Владыку. Творец неба и всех тварей есть и его Творец. Через Него он император, и прежде, нежели сделался императором, он был и есть человек. Он принял царский венец от того же Бога, от Которого получил и жизнь». Святой Ириней пишет, что «земная власть язычников от Бога для пользы людей и спокойствия, а потому должно повиноваться учрежденной Богом для падших людей власти». То же почти повторяли Афинагор и Феофил Атиохийский.

Государство, управляемое языческими императорами, в глазах христиан было такой страной, в которой им назначил жить сам Бог, и которой благоденствие и несчастье соединены с собственной их судьбой. «Когда империя в тревоге, — писал Тертуллиан, — то тревожатся и члены ее, равным образом и мы, хотя считаемся людьми сторонними, неизбежно подвергаемся той же участи». Поэтому христиане не только никогда не были возмутителями против императорской

власти, но искренне уважали ее и повиновались ей, помня всегда слова апостола о повиновении властям (Рим. XIV, 1-6) и пример Иисуса Христа (Мф. XVII, 24; Ин. XIX, 11). Святой Поликарп Смирнский от лица христиан так признается перед языческим судьей: «Мы научены, чтобы властям и господствам, установленным от Бога, оказывать такую честь, которая им прилична и нам не причиняет вреда».

Тертуллиан пишет язычникам: «Мы благогоуем в императорах к суду Божию, поставившему их правителями народов. Мы знаем, что они не имеют иной власти, кроме дарованной им от Бога. Мы молимся о сохранении того, что Бог восхотел». В другом месте тот же Тертуллиан показывал язычникам, как христиане повиновались императорам и как далеки они были от того, чтобы быть возмутителями против них: «Обвиняют нас в том, что мы не имеем достодожного почтения к императорам, но между нами никогда вы не встречали ни кассиев, ни албианов, ни нигрианов...» * Христианин никому не враг, а

*Под именем кассиев, албианов и нигрианов разумеются здесь соумышленники Авадия Кассия, Клавдия Албини и Песциния Нигера из которых первый, по свидетельству Спарциала, составил заговор против императора Вера, а два последних бунтовали против императора Севера.

тем менее императору, зная, что он поставлен императором от Бога, и что должно его любить, уважать, оказывать ему почести, молиться о здравии его и о спасении государства, пока мир стоит. Стало быть, мы почитаем императора столько, сколько нам дозволено почитать его, и сколько сам он должен хотеть быть почитаем».

Несмотря на это, язычники почитали христиан врагами императорской власти и возмутителями империи. Но это происходило от одной пустой подозрительности императоров и других, которые не понимали истинного значения христианской веры и высокого поведения ее последователей.

Напротив, христиане никогда не были врагами императоров и нарушителями установленных ими законов, касающихся общественного спокойствия. Язычник Плиний, проконсул Траяна, нарочно испытывавший поведение христиан, признал, что кроме ревностного исправления своего Богослужения, они не делают ничего противного римским законам. «Христиане, — пишет он императору, — обязывают себя клятвой, но не для совершения каких-нибудь злодеяний, а чтобы удаляться воровства, разбоев, прелюбодеяний, чтобы не быть вероломными, не утаивать данного под сохранение».

Ориген говорит, что христиане во время ночных своих собраний нимало не нарушают законов, в чем обвиняют их; а только стараются отогнать от себя власть дьявола. Тертуллиан так отвечает на подозрения язычников: «Мы одинаковы как к императорам, так и ко всем людям. Нам запрещено кому бы то ни было делать зло или желать его, запрещено даже говорить и мыслить о нем. Что не позволено нам против всякого другого, то еще менее позволено против императора, кого Бог так высоко вознес».

Распространяясь повсюду, христиане никогда, впрочем, не имели в виду, чтобы тайно или явно вооружаться против языческих областей, в которых сами жили, или которые находились от них в отдалении. «Если бы, — пишет Тертуллиан, — вместо того, чтобы мстить втихомолку, вздумали мы действовать, как явные неприятели, то конечно, не имели бы недостатка ни в силах, ни в войсках. Мавры, маркоманны, перфяне, или другие какие народы, не столь многочисленны, как наша нация, имеющая пределами своими всю вселенную... Неужели были бы мы неспособны воевать, даже и при неравных силах, в то время, как столь охотно позволяем себя умерщвлять, если бы не вменяли себе в правило, что лучше переносить, нежели

причинять смерть? Не принимаясь даже за оружие, не производя мятежа, мы могли победить вас одним тем, если бы отделились от вас».

Будучи неспособными к поднятию бунтов и возмущений, христиане, по свидетельству Тертуллиана, не принимали никакого участия в заговорах, которые составлялись против императоров в продолжение трех первых веков. Как справедливо заметил святой Иустин о язычниках, «они приписывали невинным (христианам) то, что сами делали явно, и свойственное себе самим и своим богам возводили на тех, кто нисколько тому не причастны».

Даже сами императоры языческие, например, Адриан, Александр Север, Антонин, Марк Аврелий и другие раскаивались иногда и сознавались в том, что христиан обвиняют и предают смерти напрасно, без всякой вины для государства, не понимая образа их действия, и потому с ослаблением гонений оказывали им большое уважение, как полезным своим гражданам.

Имея в виду наказания не временные, от императоров, подобно языщикам, а вечные, от самого всеведущего Бога, христиане старались более всех других содействовать общественному спокойствию. «Что касается

общественного спокойствия, — писал святой Иустин язычникам, — мы вам содействуем и способствуем более всех людей; ибо мы полагаем, что ни злодею, ни корыстолюбцу, ни злоумышленнику, ни добродетельному невозможно скрыться от Бога, и что каждый по мере дел получит вечное мучение или спасение.

Преступники делают преступления, зная, что от вас, как от людей, можно укрыться. А если бы знали и уверены были, что от Бога нельзя скрыть не только дела, но и намерения, то, по крайней мере, из страха наказаний, всячески старались бы вести себя чинно, в чем и вы согласитесь».

Никто не слышал, чтобы христиане были непокорны правительству и с презрением отзывались о языческих властях; напротив, воздавали им всякую честь и повиновение во всем, что не было соединено с идолопоклонством.

Они платили подати не только без явного упорства, но и без тайного ропота, и скорее соглашались отдать последние труды рук своих, нежели остаться должниками. Христиане строго держали слово Иисуса Христа, что должно воздавать кесарево кесарю (Мф. XXII, 21). «Подати, — пишет святой Иустин от лица всех христиан, — и повинности поставленным

от всех вас чиновникам мы везде прежде всех стараемся вносить, так как научены Христом». Указав на случай произнесения Иисусом Христом правила об уплате кесарям подати (Мф. XXII, 17-21), святой Иустин продолжает: «Мы, хотя поклоняемся единому Богу, но и вам во всем усердно служим, признавая вас царями и начальниками человеков».

Не платя подати для храмов языческих, христиане, между тем, верно уплачивали подать государю, и этой верностью вознаграждали убытки, которые наносили храмам. «Если рассмотреть, — пишет Тертуллиан, — сколько теряется различных налогов от ваших обманов и ложных заявок, тогда как мы их уплачиваем простодушно, не позволяя себе наносить кому-либо вред; то откроется, что одна эта статья, в которой вы действительно можете упрекнуть нас, как людей бесполезных, но бесполезных для себя, с избытком вознаграждает все прочие статьи».

Поскольку древние христиане в управлении языческих императоров видели совершение судеб воли Божией, то они оказывали им повиновение не внешне только, но и внутренне, не рабское только, но свободное, добровольное и искреннее.

Это было частью служения христиан самому Богу: повинаясь властям, они повиновались не людям, а Богу, их поставившему. Смотря с такой высшей точки, христиане считали своим долгом повиноваться учрежденным властям, хотя бы это соединялось с великими жертвованиями, беспрекословно несли возлагаемое на них иго и, облегчая это иго сознанием в себе внутренней, ничем не возмущаемой свободы, не позволяли себе видеть в нем какой-нибудь тяжести. Повиновение императорам происходило не от лицемерия, пустой лести, или страха, который они, по свидетельству апологетов, имели к одному только Богу, а от искреннего сердца. Они оказывали столь высокое и искреннее повиновение императорам, что те, хотя владели язычниками, но христиане почитали их более своими, по данной им свыше власти.

Тертуллиан, указав на искреннее повиновение христиан императорам, продолжает: «Но зачем говорить более о благоговейных чувствах наших к императору? Можем ли мы не иметь их к тому, которого Бог наш возвел на престол, и которого по этому поводу должны мы преимущественно почитать собственным нашим императором?»

Искренность своего повиновения правительству христиане доказывали тем, что от сердца желали здравия, благоденствия и успехов императорам со всей управляемой ими империей. Это благое желание выражалось в усердных молитвах, которые христиане возносили к своему Богу и к которым возбуждали их собственное и общественное благо, а большей частью — внушения апостола, что должно молиться за царей и за всех властей для сохранения общественного спокойствия (1 Тим. II, 1-4). Тертуллиан так пишет язычникам: «Если вы уверены, что мы не приемлем никакого участия в жизни императоров, то загляните в наши книги, которые суть самое слово Божие...

Вы увидите, что нам из любви к ближнему строго повелено молиться за врагов наших и добро творить гонящим нас. Кто же наибольшие враги, жесточайшие гонители христиан, как не те неверующие императоры, в оскорблении величества которых христиане обвиняются? Между тем, в Священном нашем Писании предписывается нам молиться за них (1 Тим. II, 1, 2)». Поэтому все, что входило в состав языческой империи и было нужно для ее благоденствия, — все было для христиан предметом искреннего попечения, выражаемого в достойных молитвах.

«Мы, — писал Афинагор язычникам, — возносим нашу молитву к Богу за ваше царство, чтобы и ваше правление более и более утверждалось, и все происходило у вас по желанию». Святой Киприан писал к одному языческому начальнику: «Мы всегда воссылаем к Богу прошения и молитвы о прогнании врагов и о ниспослании дождей, о прекращении или облегчении бедствий; равно как и о вашем спокойствии и благоденствии, умоляя и умиловывая Бога непрестанно и неотступно, днем и ночью совершаем молитвы».

Тертуллиан свидетельствует перед язычниками: «Мы о здравии и благоденствии императоров молим Бога предвечного, Бога истинного, Бога живого, у Которого и сами они ищут милости преимущественно пред всеми вообще богами... Мы просим у Бога императорам долгоденствия, безопасности их дома, храбрости воинства, верности сената, благонравия народа, спокойствия всего мира, словом, всего того, что человек, что император желать только могут».

Обычай этот был соблюдаем христианами и при общественных собраниях для Богослужения. Тертуллиан, говоря о тайных христианских собраниях, указывал, что «христиане там молятся Богу об императорах,

об их министрах, о всех властях, о благосостоянии всего мира, об отдалении окончательного переворота вселенной». То же свидетельствовали перед языческими судьями исповедники и мученики из христиан.

Святой Дионисий Александрийский и Киприан Карфагенский перед своими судьями и мучителями явно исповедовали от лица всех христиан, что «они молятся истинному Богу за всех людей, о благоденствии самого императора и о спокойствии его правления». Так, на требование судьи императора Декия Марциана к епископу Ахатию любить римских правителей, епископ отвечал: «Кто же более заботится или кто более любит императора, как не христиане? Ибо мы непрестанно молимся за него самого и его подданных, чтобы он долее жил в сем мире и с правдой управлял народом, и чтобы наслаждался мирным временем при своем правлении. Мы молимся также о благоденствии воинов и о продолжении всего мира».

Имея в виду именно это, Евсевий, церковный историк, замечает о гонителе Ликийнии, что «он, выгнав из своего дома всех христиан, чрез это сделал несчастным самого себя и лишился молений, которые за него и за всех людей, по внушению отцов, обыкновенно возносили к Богу». В другом месте тот же

церковный писатель так говорит обо всех языческих императорах, бывших до Константина Великого: «Когда они преследовали чтителей истинного Бога, то удаляли от себя моления, приносимые за них».

Такие молитвы христиан были известны и самим императорам, как средства, необходимые для благоденствия их и управляемой ими империи. По свидетельству Евсевия, «Император Максимин публичным указом счел за необходимое позволить, чтобы христиане продолжали приносить молитвы и прошения о спасении его самого и управляемого им государства».

Забываясь о временном благоденствии императоров, христиане думали и о вечном их спасении. Для них прискорбно было, что императоры, столько превознесенные перед прочими людьми, остаются в идолопоклонстве, не почитают истинного Бога, от Которого они получили власть свою, а поклоняются тем богам, которых они сами несравненно выше. Попечение это так занимало христиан, что они писали апологии, где ясно представляли спасительные правила своей веры, и высказывали их в присутствии императоров. «Я желаю, — говорил один из мучеников, Роман, перед судьей, — чтобы император научился познавать суть истины;

поскольку он должен быть моим императором». Мученики Иппарх и Филофей, при допросах императора Максимиана, весьма сожалели о его участи, поскольку он камни и дерево называет богами. Поэтому христиане молились также Богу, чтобы императоры вышли из мрака заблуждений на путь истины. Но поскольку этого не требовалось от христиан, то справедливо писал Иустин мученик, что «христиане повиновались установленным законам, но своей жизнью превышали законы».

Это отдаляло христиан от язычников. Но различие поведения тех и других яснее было, когда, кроме повиновения царской власти, требовалось, по законам государственным, исполнение языческих обрядов. Христиане поступали по учению Иисуса Христа и по примеру апостолов, которые повиновались Богу более, нежели людям (Деян. IV, 19; V, 29). И никогда не жертвовали Божиим ради кесарева. Тертуллиан внушал каждому христианину: «Иисус Христос потребовал показать Ему монету, и увидев на ней образ кесаря, повелел отдавать кесарю образ его на монете, т. е. давать дань монетой, а Богу повелел отдавать образ сущий в человеке, — сердце и душу: отдавай деньги кесарю, а себя — Богу».

Святой Поликарп Смирнский писал к антиохийцам: «Повинуйтесь императору в том, в чем без вреда для вас совершается повиновение». Так говорил и Дионисий Александрийский египетскому префекту Галла Емилиану: «Богу должно повиноваться более, нежели людям». То же самое объяснял и внушал блаженный Августин: «Если император повелевает исполнять что-либо другое, нежели Бог, то Бог выше всякой власти. Отдавай власти то, чем ты обязан ей, и Богу оказывай также свое послушание. Власть заключит тебя только в темницу, а Бог — в геенну». Поэтому-то первые христиане не соглашались вместе с язычниками воздавать императорам Божескую честь, приличную единому истинному Богу.

Они вполне были уверены, что императоры, подобно другим людям, не равняются со Христом, а во всем зависят от Бога, и на этой зависимости основывали свою любовь и повиновение им. Напротив, по их убеждению, если императора почитать за Бога, это будет служить оскорблением для величия Божия, и насмешкой, пустой лестью для самого императора.

«Мы не равняем, — пишет Тертуллиан, — императора с Богом, не именуем его Богом, потому что, во-первых, не умеем

лгать, во-вторых, не хотим издеваться над ним, и в-третьих, сам он не пожелает быть признаваем за Бога, тогда как он только человек, а потому самый долг и польза человека требуют, чтобы он считал себя ниже Бога. Довольно для него иметь звание императора, звание величественное, полученное им от Бога. Кто именует его Богом, тот отнимает у него звание императора: он не может быть императором, не будучи человеком».

«Более буду почитать императора, — пишет Феофил Антиохийский к Автолику, — когда не поклоняюсь ему, но молюсь за него самого. Молюсь я Богу, истинно существующему Богу, зная, что император от Него оставлен. Ты скажешь мне, почему не поклоняюсь я царю?.. Поскольку он поставлен не для поклонения, а для того, чтобы почитать его законной честью. Он не Бог, но человек, от Бога поставленный не для того, чтобы ему поклоняться, но чтобы правдиво служить ему, на это дано ему правление. Как сам не хочет именовать царями тех, которые подчинены ему, поскольку имя царя ему одному приличествует, и никому другому не позволено называться этим именем, так и никому не должно поклоняться, кроме единого Бога».

«Человек, — пишет Тацян об императоре, — должен быть почитаем человеческим

образом». То же свидетельствовали и мученики. Так, в царствование Септимия Севера, на обращение проконсула к мученикам: «Почтите нашего императора и принесите ему жертву», Доната отвечала: «Мы отдаем честь императору, как императору; но почтение и поклонение воздаем единому нашему Богу».

Что касается обрядов, с которыми язычники соединяли свое почтение императорам, то и они, с одной стороны, как противные христианскому учению, не были совершаемы древними христианами, а с другой — заменялись у них другим, лучшим, истинным образом почтения. Так, христиане не приносили за императоров жертв, потому что жертвы языческие были совершенно противны им. Они не клялись гением императоров, потому что считали своим долгом вообще воздерживаться от клятв, а тем более от клятвы *гениями*, которых считали они злыми духами. Но все это христиане заменяли молитвами, постоянно возносимыми о благоденствии императоров пред Богом.

О жертвах за императоров так писал Тертуллиан: «Мы не приносим жертв никому, потому что и сами себе их не приносим. Словом, мы не обожаем богов ваших».

И поскольку жертвы за императоров, обыкновенно, были приносимы язычниками своим богам, то христиане, считая их богов гораздо ниже императоров, почитали вместе с тем для себя недостойным делом предавать их величие власти ничтожных идолов. «Мы, — пишет Иустин мученик язычникам, — не воздаем чести множеством жертв и венками из цветов тем, которых изобразили люди, и поставив в храм, назвали богами, поскольку мы знаем, что они бездушны и мертвы, и образа Божия не имеют; но они имеют имена и вид являвшихся злых демонов. В том только и обвинять нас можете, что мы не одних с вами богов почитаем и умершим не приносим возлияний и курений, надгробных венцов и жертв».

«Мы, — пишет Тертуллиан к язычникам, — поставляя императора ниже только Бога, признаем его выше всех людей, и даже выше всех богов ваших, которые состоят в его власти. Мы также приносим жертвы за благоденствие императора, но приносим их единому нашему и его Богу; а жертвы эти — молитвы, предписанные нам от Него. Творец вселенной не имеет нужды ни в жире, ни в крови животных: они нужны для насыщения демонов... Мы не можем лучше молиться за императора, как обращаясь к

Богу, Который один может продлить дни его».

О клятве гениями императоров тот же Тертуллиан писал язычникам: «Если мы не клянемся гением императоров, то клянемся их жизнью, которая несравненно многоценнее, нежели все гении, сущие демоны. Мы благогоуеем в императорах к суду Божию, поставившему их правителями народов... Что же касается гениев или демонов — то мы их заклинаем, дабы изгнать из тел человеческих. Мы не клянемся и не божимся ими, чтобы не воздать им чести, принадлежащей единому Богу».

«Счастьем (или гением) императора, — пишет Ориген, — мы не клянемся, равно как и другими ложными божествами». Далее указывает Цельсу и на причину этого отступления: «Счастье есть или случайное, ничего не значащее стечение обстоятельств, или, по понятию римлян, — гений, который есть одно из имен демона, недостойного быть предметом клятвы».

Первые христиане не праздновали торжественных дней в честь императоров*, потому что празднества были соединены с бесчинными языческими обрядами и украшениями.

* Участие в общественных языческих праздниках и обрядах древним христианам было строго запрещено.

Они совершали празднества в честь императора в сердце и совести. Не в безрассудных увеселениях и наслаждениях, как язычники, а в скромности, трезвости и целомудрии. Тертуллиан так отвечал язычникам на тщетный их упрек в этом: «Итак, христиане — враги государства, потому что воздают императору почести не суетные, не ложные, не святотатственные; что исповедуя истинную религию, празднуют торжественные императорские дни изливанием чувств своего сердца, а не совершением различных распутств... Неужели радость народная должна обнаруживаться через общий позор? Неужели то, что в другое время непристойно, делается пристойным в дни, посвященные государю?.. Мы, вероятно, весьма виноваты за то, что совершаем обеты свои о здравии императоров, не переставая быть трезвыми, целомудренными и скромными».

В Птолемаиде святой мученик Павел отвечал императору Аврелиану, с гневом требовавшему от него исполнения своих указов: «Я читаю все повеления вашего величества, но исполняю только те, кои не делают насилия моей совести в деле веры; в противном случае я готов претерпеть мучения, но Христа не оставляю».

Мученик Сперат говорил проконсулу Сатурнину, принуждавшему его клясться гением императора: «Я не знаю о гении императора, но служу моему небесному Богу, которого никто из людей не видел и не может видеть. Я никогда не был вором, но покупаю все нужное; плачу ему подать, поскольку знаю, что он мой начальник; а поклоняюсь единому Господу моему, Царю царей и Владыке всех народов». После этого со всем правом мог сказать язычникам Афинагор от лица христиан: «Мы ничего не делаем злого — даже большей частью поступаем самым верным и правильным образом как по отношению к Богу, так и по отношению к вашему царству».

ВРЕМЕНА ГОНЕНИЙ

Несмотря на столь высокое поведение христиан, языческие императоры, по грубым отечественным законам и требованиям своей ложной религии, не только ненавидели их, но и часто воздвигали на них явные гонения с большей или меньшей жестокостью. Как же вели себя христиане во время гонений?

Они показывали искренность и великодушное терпение, соединяемое с удивительным благоразумием, и таким образом повинаясь, сколько можно было, определениям царской власти, постоянно старались сохранять неприкосновенными правила своей веры и нравственности. Первые христиане, верные своему призванию, не прибегали к какому-либо притворству и лицемерию; но при всех допросах со стороны языческого правительства, всегда были тем, чем были на самом деле, и говорили то, что имели в своем сердце, хотя исповедание их веры весьма не нравилось язычникам.

Святой Игнатий в разговоре с ожесточенным императором Траяном не устранился признать себя Богоносцем, который имел Христа в своем сердце, — исповедать, что «един есть Бог и един Христос Иисус, едиnorodный Сын Божий».

Святой Киприан Карфагенский, явившись на суд, с искренностью отвечал на несправедливые убеждения проконсула: «Я христианин и епископ. Я не знаю никакого Бога, кроме единого и истинного, Который сотворил небо, и землю, и воды, и все, что в них. Сему Богу служим мы, христиане».

Они всегда были искренними перед язычниками, потому что постоянно имели перед

своими глазами всеведущего Бога, Которому известны все тайные помышления человека, и который воздаст каждому по делам его». «Истязуемые вами, — пишет Иустин мученик язычникам, — исповедуют, что они христиане, хотя знают, что исповеднику предлежит смертная казнь... Поскольку не на настоящее мы полагаем надежду, то и не смотрим на умерщвляющих, хотя бы и непременно умереть было должно».

Истина, по их убеждению, особенно в деле религии, должна стоять выше всех земных расчетов и предрассудков, и никогда не останется без торжества, хотя бы за нее надлежало терпеть жестокие мучения. Они, по свидетельству святого Иустина, свободно признавались в истине, за истину подвергались даже смерти, — но не хотели жить обманом. «Если мы говорим что-нибудь, — писал Тациан, — то мы не лжем». По свидетельствам Тертуллиана и святого Киприана, христиане внешне отрекались от исповедания религии язычников, к которой питали внутреннее отвращение. Поэтому для всех мучеников, когда спрашивали их язычники, кто они, ответ был простой и самый искренний: «Мы христиане».

С подобной искренностью они, когда нужно было, излагали перед язычниками

предмет и правила своей веры, за которую были гонимы и мучимы. Проконсул императора Септимия Севера спрашивал мученика Сперата: «Какое ваше учение, и что за книги, которые вы читаете и уважаете»? Мученик отвечал: «Четыре Евангелия нашего Господа Иисуса Христа, и послания святого Апостола Павла и все Богодухновенное Писание». «Правильный догмат, — говорил Иустин мученик своему судье, префекту Рустiku, — догмат, который мы, христиане, с благоговением сохраняем, — что мы почитаем единого Бога, Творца и Промыслителя всего видимого и невидимого; и Господа Иисуса Христа признаем Сыном Божиим, предвозвещенным Пророками, Который придет судить род человеческий, Который есть Спаситель и Учитель для всех верных последователей».

Искренность не позволяла христианам отрекаться от своей веры, принимать на свой счет те преступления, в которых обвиняли их и от которых они были совершенно свободны, но побуждала их даже защищать себя и доказывать свою невинность.

Они, по свидетельству святого Иустина, хотя и с благодарением подвергались мучениям, но выставляли на вид свою невинность и несправедливость язычников. Свя-

тая мученица Иулиания, защищая мучимого своего брата Павла перед императором Аврелианом, говорила ему: «Ах, за что так люто терзаешь брата моего? Оскорбил ли он когда раз в жизни величество царя, обидел ли своих сограждан? Мое сердце ручается за его поступки; весь народ ручается за его добродетели. Государь! Пощади невинного». Они были чисты и непричастны злодеяниям, о чем свидетельствуют Иустин мученик, Афинагор и Феофил Антиохийский.

Тертуллиан так писал о христианах африканскому проконсулу: «Нас сжигают не за иное что, как за нашу невинность, за нашу честность, за нашу справедливость, за нашу чистоту нравов, за наше праводушие, наконец, за Бога живого».

Будучи невинны, мученики, обыкновенно, или ничего не отвечали на клеветы язычников, или защищали свою невинность одним высоким для них именем — *христианин*, за которое, впрочем, по свидетельству апологетов, язычники подвергали их жестоким мучениям. Отсюда следовало, что невинные христиане не клялись не только именем или гением императора и языческими богами, но и именем исповедуемого ими истинного, Всеведущего Бога. По свидетельству

Климента Александрийского, «христиане каковы были в словах, таковы были и в делах, и во всей жизни, всегда сознавая в себе истину, они, кроме *да* и *нет*, никак не клялись перед язычниками».

При искреннем исповедании своей веры, первые христиане сохраняли удивительное благоразумие. Чувствуя в себе постоянное отвращение к языческой религии, они не издевались над ней перед язычниками*. Впрочем, заботясь о спасении язычников, они, при всех благоприятных обстоятельствах старались внушать им, что религия их ложная, что почитаемые ими боги не более, как идолы, дела рук человеческих и недостойны поклонения. Об этом свидетельствуют все апологии христиан, написанные ими для защиты своей веры и для обличения религии языческой.

Апостол Андрей говорил консулу Егею о языческих богах, которых принуждал его признать мучитель: «Эти идолы не боги, а пагубные демоны, враги рода человеческого. Тебе, судье человеческому, должно бы познать небесного Судью, и познав, поклоняться

* На Эльверском соборе, например, было строго запрещено разрушение идолов, как дело, противное евангельскому учению и истинному достоинству мучеников.

Ему, а поклоняясь истинному Богу, отвергнуть богов ложных».

Ответ мученика Филиппа, одного из детей Фелицитаты, на требование префекта Публия, чтобы он, по повелению императора Антонина, принес жертву богам, был таков: «Они не боги, не всемогущи, но пустые идолы и бедные и бесчувственные. Кто захочет приносить им жертву, тот подвергнется вечной гибели».

Принуждаемые к ответам, мученики явно говорили и самим язычникам, что они безбожники и служат демонам. Святой Поликарп отвечал Траяну, защищавшему свое идолослужение: «Ты по заблуждению величаешь бесов богами»; а святой Игнатий называл безбожными язычников, окружавших его на месте мучений. Не насмехаясь сами над идолослужением язычников, христиане тем более не позволяли им издеваться над своей истинной верой: а когда поносили ее, они затыкали уши или спокойно указывали на одно имя Сына Божия, как всеведущего и правосудного, Который воздаст каждому по делам.

Особенно христиане удалялись от споров с язычниками в деле религии, когда те хотели подвергнуть ее осмеянию. Христиане указывали на чистоту, истину и святость своей

веры и на превосходство ее перед язычеством.

Так, в царствование Валериана, мученик Саприций говорил проконсулу, своему судье: «Мы, христиане, почитаем только Христа, как нашего Царя, Который один есть истинный Бог, Творец неба и земли. Но все боги язычников — демоны и должны быть прогоняемы: они не могут ни помогать, ни вредить, поскольку они только дела рук человеческих».

При исповедании своей веры перед язычниками христиане имели в виду внушить правила ее и привести их самих к спасению: они без нужды в кругу язычников не выставляли на вид учения своей веры, но при случае с большой охотой и радостью сообщали истины и правила своей веры.

Епископ Лионский Пофин на коварный вопрос судьи: «Кто есть Бог христиан?» не стал объяснять ему, а только сказал: «Ты сам можешь узнать, если будешь достоин того». Напротив, святой мученик Поликарп, свободно признав себя христианином перед своим судьей, говорил ему: «Если ты хочешь познать учение христианское, то избери день и выслушай меня».

Мученик Иппарх говорил язычникам, желавшим принять веру Христову: «Если

вам приятна истина, то я теперь же дам вам наставление касательно Божественного могущества и премудрости». При Максимиане мученик Агапий среди самых ругательств и насмешек со стороны язычников, на месте терзания его зверями, говорил им: «Всех вас, которые пришли на это сражение, призываю во свидетели, что я не за какое-либо преступление, но единственно за исповедание Божественного учения Христова, подвергаюсь этой величайшей опасности жизни. Впрочем, об одном только прошу вас и молю, — о том, чтобы вы все познали единого Бога, и, познав, служили Ему».

Искренно исповедуя свою веру перед язычниками, древние христиане благодушно переносили за нее все мучения от своих гонителей. Они терпели не с упорством и принуждением, а с охотой и спокойным расположением духа, не с чувством негодования, а подобно апостолам (Деян. V, 41), с чувством радости и удовольствия.

Все благое христиан заключалось в Иисусе Христе, с Кoим они тесно соединены были. И они были уверены, что мучения служат не ко вреду, а к их благу, и чем больше увеличиваются, тем большую доставляют им славу, скорее освобождая их от зол,

которые неразлучны с земной жизнью.

«Жестокость ваша составляет нашу славу», писал Тертуллиан африканскому проконсулу. «Что вы так медленны, — взывал святой Гордий к своим мучителям, считая себя гораздо счастливее их, — что остановились! Терзайте тело, разрывайте члены; пусть они переносят все мучения, какие вам угодно. Не завидуйте блаженной надежде моей. Ибо чем больше вы увеличите мучения, тем больше приготовите мне воздаяния. У нас о том есть условие с Господом. За удары, наносимые телу, воссияет на нас светлая одежда в воскресении; за бесчестие будут венцы, за узилище — рай; за осуждение вместе с злодеями — жизнь с Ангелами. Сейте во мне более, чтобы мне пожать больше жатвы».

Мучения, которым подвергали христиан, были ужасны: то распинали их на крест, то колесовали, то в пытках растягивали и отрубали один за другим члены, то отдавали на съедение зверям, то морили голодом. Но все это христиане, при содействии Благодати, переносили благодушно, или, как говорил Иустин мученик, «не боялись смерти, с радостью умирали, исповедуя Христа».

Святой Поликарп, готовый в пищу огню, воззрел на небо и произнес высокую хвалу

Триипостасному Богу на виду у иудеев и язычников: «Господи, Боже Вседержителю, Отче возлюбленного и препрославленного Сына Твоего, чрез Которого мы получили познание о Тебе... За все хвалю Тебя, благословляю Тебя, прославляю Тебя, вместе с вечным и пренебесным Иисусом Христом, возлюбленным Твоим Сыном, с Которым тебе и Святому Духу слава и ныне и в будущие веки, аминь».

«Враги, — писал Климент Александрийский, — не причиняют нам никакого вреда, никакого неудовольствия; смерть только скорее соединяет нас с Богом». По словам святого Киприана, «Сколько было у мучеников сил, они с готовностью и радостью переносили все». Тертуллиан восклицает: «Какое это зло, о котором мнимо-виноватый радуется, которое при обвинении составляет предмет его желаний, которое при наказании ставит он себе за честь?!»

Христиане столько расположены были к мучениям, что на узы и орудия мучений смотрели с уважением, лобзали их и хотели хранить с собой в гробу. Игнатий Богоносец узы, которые носил на себе за Иисуса Христа, называл духовным жемчугом. «Благодарю тебя, Господи, — говорил он, осужденный Траяном на съедение зверям, — что Ты вполне

почтил и удостоил меня Твоей любви, чтобы быть связанным железными узами, подобно апостолу Павлу». А святой Вавила, епископ Антиохийский, завещал с собой похоронить узы, которые он носил в мученичестве, чтобы не лишиться этого украшения и в будущей жизни.

Писатели IV и V веков изображают мученичество христиан в самых высоких чертах. «Во время диоклетианова гонения христиане, — по свидетельству Евсевия, — опасности и все роды мучений ни во что не ставили, с неустрашимостью исповедывали веру в истинного Бога, с радостью, улыбкой и удовольствием выслушивали последний приговор к смерти; даже пели псалмы и воссылали хвалы и благодарения Богу всего мира до последнего издыхания».*

Святой Златоуст писал: «Мученики во время страдальческих подвигов, поражаемые ударами и пронзаемые острыми орудиями, были веселы и радостны; будучи положены на кострах, веселились более,

* Впрочем, среди мужественных христиан, особенно во времена императора Декия, были некоторые и слабые от продолжительных жестоких мучений. Они или приносили жертву богам, или курили перед идолами, или покупали у начальников письменные свидетельства, что они приносили жертвы, но все они подвергались исключению из общества христианского, как падшие.

нежели гуляющие по цветущему саду, — наслаждались удовольствиями подобно живущим в раю».

Из того, что христиане так терпели мучения от язычников, можно видеть, что они были кротки и незлобивы к самим гонителям. Пример Иисуса Христа (1 Петр. II, 23) и Его учение, чтобы верные не противились обижающему и подставляли другую щеку тому, кто ударит в одну (Мф. V, 39, 41), были для преследуемых христиан постоянным предметом подражания. На это, обыкновенно, указывали апологеты, когда защищали христиан в их поведении перед язычниками. «Мы, — писал Афинагор, — научены не только воздерживаться от всякого противоборства, если терпим мучения, но даже не противиться тем, кто подает повод к этому, и молиться за них. Мы отвергаемся и тела и жизни нашей».

На то же указывали Иустин мученик, Ириней, Тертуллиан, Иларий и Августин. Осуждаемые на смерть, христиане как на суде, так и среди мучений не ссорились с судьями, не злословили, не мстили гонителям и вообще не действовали силой против насилия. Во время народных возмущений они не приставали ни к каким партиям, чтобы отомстить своим гонителям, но принимали

страдания и смерть с благодарностью, представляя мщение единому правосудному Богу.

«Христианин, — по словам Тертуллиана, — обличенный в христианстве, видит в том свою славу; в случае обвинения не оправдывается; при допросах торжественно признается, что он христианин; когда бывает осужден, благословляет Бога».

«Никто из нас, — писал и святой Киприан, — не сопротивляется, когда его схватывают. Никто не мстит за несправедливое насилие, хотя народ наш чрезвычайно многочислен. Уверенность в будущем отмщении делает нас терпеливыми. Незлобивые, мы уступаем своим притеснителям; невинные, успокаиваемся среди казней и мучений, — твердо упова, что никакое зло, претерпеваемое нами, не останется без отмщения, и чем более и несправедливее гонение, тем справедливее и тяжелее будет возмездие».

Упорство и мщение были совершенно противны кроткому духу христиан, с каким они исповедовали Иисуса Христа, жертвовали за него душой и телом, в Нем одном видели будущего мстителя. «Далека от нас, — писал Тертуллиан, — всякая мысль восставать против страданий, нами желаемых, или мстить вам за гонения, о которых нам

известно, что они исходят от Неба, и которые мы считаем за милости для себя».

Как выражалось в христианах такое чувство кротости, незлобия к гонителям, можем видеть из частных примеров. Так, святой Игнатий Богоносец пишет о себе: «Из Сирии до Рима боролся я с дикими зверями на воде и на суше, день и ночь, и привязан был к десяти леопардам (т. е. воинам), которые становятся еще злее, когда им делаешь добро; но их злость служит к моему назиданию».

Одни мученики говорили своему гонителю, который шел отсечь им головы: «Друг, зачем ты идешь»! Сами навстречу вышли к нему и спокойно наклонили головы под меч. Другой мученик был смертельно ранен, и когда близок был к смерти, усиленно просил своих друзей, чтобы они не мстили его мучителям.

В этом принужден был сознаться и богоотступник Юлиан, наученный сам из многих опытов над мучимыми им христианами: «Христос дал им заповедь, что, если они терпят не по праву, должны сносить равнодушно, — не должны поносить и бесчестить, когда их поносят».

По заповеди Спасителя, христиане не только не мстили гонителям, но и благодетями им. «Мы, — писал Ориген, — сохраняем

заповеди верховного Искупителя, и научены, что делать и что говорить по его наставлению. Мы благословляем, когда нас бесчестят; терпим, когда нас преследуют; молимся, когда нас поносят. По обычаю нашему, мы не говорим ничего худого и безбожного». Святой Поликарп с радостью принял пришедших взять его под стражу язычников, предложил есть и пить этим врагам тогда, как они искали его, чтобы отдать на съедение зверям или на сожжение. Святой Киприан повелел выдать двадцать пять золотых монет своему палачу.

Древний мученик Евпсихий, обвиненный в исповедании Христовой веры и посаженный за это в темницу, освободившись оттуда, продал все свое имение, доставшееся от отца по наследству, и из полученных денег одну половину роздал нищим, а другую своим обвинителям, платя им как бы за величайшее благодеяние. Среди мучений христиане имели в виду пример Иисуса Христа, Который на кресте молился за своих врагов и просил от Бога Отца прощения во грехах; пример первомученика Стефана, который молился за врагов, побивавших его камнями (Деян. VII, 60), и верно подражали этому, как свидетельствуют Григорий Нисский, Августин и другие в речах о первомученике Стефане.

Христиане, по словам блаженного Августина, при своих мучениях старались о том, чтобы обратить ко спасению своих гонителей. Так, апостол Андрей, при различных истязаниях, говорил консулу Егею, готовившемуся пригвоздить его ко кресту: «Я страшусь твоей гибели. Мое страдание продолжится один день, два; но твое мучение и через тысячи лет не кончится. Не умножай более несчастья своего, и не возжигай для себя вечного огня». И, находясь уже на кресте, сожалел не о своей участи, а об участи своего мучителя: «О твоём несчастье скорблю, поскольку вечная гибель ожидает тебя».

Иаков Праведный, осужденный гонителями на смерть, молился на коленях, взывая: «Господи и Боже Отче! Прости им, не ведают, что творят»; и когда начали бить его камнями, один из пресвитеров взывал к мучителям: «Пощадите! Что вы делаете? Этот праведник молится еще за вас.» И святой Поликарп, епископ Смирнский, перед судом и предсмертным испытанием просил Господа: «Ты, Господи! Прости безбожникам».

Во время гонения Максимиана мученики перед собранием народа молились об обращении своего города Самосата на путь истины, когда уже приговорены были к смерти:

«Молим Бога и Христа Его и Его Святого Духа, да искоренит Он из города, по Своему милосердию и благодати, служение идолам, и да водворит в нем христианскую веру!

Да повелит ниспровергнуться капищам суетных богов и возникнуть везде церквам Христовым! Да уничтожит сатанинское жречество, и да умножит число служителей Христовых! Смерд нечистых жертв да заменит Он согласием священного псалмопения! И да истребит бесстыдство целомудрием, похоть воздержанием и чистотой нравов».

Один из палестинских мучеников, Павел, по сказанию Евсевия, перед своей смертью громогласно молил Бога о своих единовверных, молился об обращении иудеев, самарян и язычников, чтобы они познали Бога и приняли истинную веру, и за всех предстоявших; наконец, за судью, приговорившего его к смерти, за императоров и за самого палача, готовившегося уже отсечь ему голову, дабы злодеяние это не вменилось им в грех».

Случалось, что усердные молитвы христиан не оставались без успеха и производили над гонителями-язычниками такое действие, что они обращались к истинной вере. При императоре Максимиане девица Фавста после всех мучений восклицала: «Благодарю Тебя, сладчайший Иисусе, свидетель

сердец, что сподобил меня исповедать святое имя Твое... Еще молюсь Тебе, возлюби Максима (имя мучителя), просвети его верой и утверди в страхе Твоем». Эта искренняя молитва страдальцы произвела чудесное действие над мучителем Максимом, который и сам воскликнул: «Помощник и Покровитель невинной девицы! Яви Твою благодать и на мне, недостойном, прими в раба Твоего: во истину Ты един Господь и Бог сил».

Но при всем своем спокойном и мужественном терпении, первые христиане сами не вызывались на мучения и не искали себе смерти. «Мы не хвалим, — писал Игнатий Богоносец, — таких, которые сами вызываются на подвиги страдания. Поскольку Евангелие не так учит».

Подобное внушал и святой Киприан мученикам своего времени; и сам так исповедовал это перед проконсулом Патерном спрашивавшим его о пресвитерах Карфагенских: «Поскольку права наши возбраняют самим вызываться на мучения, притом это не согласно и с духом римского правления, то ни я не могу указать тебе пресвитеров, ни они не могут представить самих себя. Но если ты решишься искать их, то они, без сомнения, найдутся».

Тертуллиан после того, как упомянул в послании к африканскому проконсулу о равнодушном терпении христиан, прибавляет: «Не подумай, однако, видя наше охотное перенесение мучений, будто мы для того только сами являемся пред вами, чтобы показать вам, что мы не боимся таких мучений, и будто добровольно вызываемся на них и нарочно ищем смерти».

Не вызываясь сами на мучения, христиане, между тем, не хотели укрываться от язычников и тогда, когда имели случай укрыться и избежать гонений. Святой Поликарп мог бы укрыться в одном доме, когда его искали, но не захотел, испросил только свободу совершить молитву, уговорил гонителей и сам отдался в их руки. Святой Киприан одобрял заключенных в темнице исповедников за то, что они, имея много случаев удалиться из нее, не хотели сделать этого, чтобы не подвергнуть нареканию имени христиан у язычников.

Святая мученица Агафия, после чудесного посещения и исцеления в темнице апостолом Петром, когда уstraшенные стражи разбежались и темница осталась незаключенной, когда другие узники стали один за другим выходить и советовали то же самое и ей, — равнодушно отвечала им: «Не

дай, Господи, чтобы за меня потерпели стражи темничные! Имея помощником моим Господа, исцелившего рабу свою, пребуду до конца в Его исповедании». И страдальица с ангельским спокойствием осталась в темнице, не страшась уготовляемых для нее мучений.

Христиане не только сами не удалялись от предстоящих мучений, но запрещали и своим братьям укрывать и избавлять их от гонений, в которых видели путь к вечному блаженству.

Игнатий Богоносец, предвидя, что в Риме, куда он спокойно шел на съедение зверям, верные Христовы будут покушаться избавить его от жестокого мучения, с пути своего отправил в Рим послание: «Боюсь вашей любви, чтобы она не повредила мне... Не делайте для меня ничего, кроме того, чтобы я пожрен был Богу... Прошу вас, не имейте ко мне неуместной привязанности. О, если бы сподобился я зверей, приготовленных для меня! Я пшеница Божия, и должен быть измолот зубами зверей, чтобы быть чистым хлебом Христовым. Тогда я буду поистине ученик Христа, тогда мир не увидит и тела моего».

Святой апостол Андрей говорил народу, хотевшему вынести его из заключения: «Не

переменяйте мир Господа нашего Иисуса Христа на дьявольское возмущение... Храните молчание, тишину и спокойствие, и не останавливайте мученичества моего».

Впрочем, истинно верные христиане не считали грехом в некоторых случаях и уклоняться от гонений. Такое исключение допускалось для лиц, жизнь которых связывалась с благом какой-нибудь церкви, особенно для пастыря ее. Они даже Божественными откровениями, например, Дионисий Александрийский и Киприан Карфагенский, были удерживаемы до известного времени от свободного самопожертвования.

Ориген писал в опровержение хулений Цельса, что «такие христиане убегают не по страху, а чтобы повиноваться заповеди Господа и сохранить себя здоровыми и невредимыми для спасения других». Далее Ориген указывал Цельсу, что «и сам Учитель Господь по временам уклонялся, доколе не пришел час Его смерти, и апостол Павел был отвезен в колеснице из Дамаска, равно и ветхозаветные праведники так поступали: Иаков уклонялся от гнева брата своего, Моисей от фараона, Давид от Саула, Илия от Ахава».

Уклонявшиеся в таких случаях от жертвования жизнью епископы вознаграждали

это многими трудами для блага своей церкви. Киприан, например, удалился для спокойствия своей церкви, но в это время он не перестал со всей пастырской ревностью заботиться об управлении ею и о распространении веры Христовой в тех местах, куда он удалялся; а после, когда пришел час его смерти, не отказался испить чашу мученичества даже в глазах своей паствы.

Он об удалении своем писал в Рим: «Когда мятежная чернь непрестанно требовала меня на сражение со львами, я, помня слова Спасителя (Мф. X, 23), удалился, имея в виду не собственную безопасность, а общее благоденствие моей паствы, дабы неблаговременным присутствием своим не ожесточить врагов, и без того весьма жестоких. Но отсутствуя телом, я не отсутствовал духом, делами, советами, всевозможным попечением... не был оставляем мною ни клир без совета, ни исповедники без увещания, ни нарушители церковных правил без обличения, ни народ без побуждений к тишине и молитвам».

Удаление от преследований допускалось и для тех, которые не могли, или по крайней мере, за которых опасались, что они не выдержат подвигов страдания.

Подвиги эти сделались еще труднее со времен Декия, когда язычники переменили образ действия против христиан. Прежде просто предавали их смерти; со времен Декия язычники положили за правило продолжительными и самыми жестокими мучениями совращать христиан к своему идолослужению, сокращали истязаниями жизнь, но не лишали ее, грозили христианам смертью, но не приводили к ней.

Святой Киприан, удалявшийся сам во время гонений, писал и для других о подобном удалении: «Господь повелел удаляться и бегать во время гонений; Он и учил, и Сам поступал так. Поскольку венец мученический исходит от благодати Божией и не может быть получен, пока не придет час получения, то тот не отвергается Христа, кто убегает от страданий, чтобы не отвергнуться Христа».

В то же время святой Григорий Чудотворец, сам скрывавшийся с некоторыми верными от жестокого гонения декиева для блага церкви, такие благоразумные советы давал своей пастве: «Уклоняться по временам позволительно, по примеру Господа Иисуса Христа, а отречься от веры непозволительно, и допустив последнее, христианин будет виновнее, нежели бы когда он сделал первое. Лучше бегством спасти свою душу, нежели

вступив в борьбу, быть изменником правил веры».

Постоянно заботясь об общественном спокойствии, первые христиане и во время гонений старались о сохранении его в тех областях, где их преследовали. Святой Киприан неоднократно внушал христианам избегать всех подозрений к возмущению, советовал им благоразумно и осторожно поступать при посещении темничных узников, чтобы не нарушить спокойствия и не возбудить в язычниках большого негодования.

Из места, куда удалялся в гонение, он писал пастве: «Прошу вас иметь благоразумие и заботливость о сохранении общего спокойствия; братья наши по своей любви ревностны к тому, чтобы приходить и посещать добрых исповедников; но это должно делать с осторожностью, не вдруг толпами, с большим числом народа, дабы чрез это самое не возбудить ненависти язычников, чтобы совсем не был запрещен нам выход, и чтобы сильно желая всего, не лишиться всего.

Старайтесь для большей безопасности соблюдать умеренность, чтобы и пресвитеры, которые у исповедников совершают вечерю, переменялись друг с другом вместе с сопутствующими им дьяконами; поскольку и перемена лиц и изменение посещающих

уменьшают во врагах ненависть. Во всем мы должны быть кротки и смиренны, как прилично рабам Божиим — должны приноравливаться ко времени, должны заботиться о сохранении спокойствия и благосостояния обществ».

Святой Киприан вместе с тем внушал: «Возлюбленные братья! По учению, которое из правил Господних вы всегда получали от меня, и чему часто я учил вас, сохраняйте спокойствие и тишину; дабы кто из вас не произвел какого-либо возмущения за братьев, или не представился добровольно язычникам, а схваченный из вас и преданный должен отвечать; поскольку сам Господь в оный час говорит нам. Он хотел, чтобы мы лучше сознавались, нежели безрассудно признавались».

Подобно Киприану и епископ Петр советовал: «Братья не должны ходить целым домом, чтобы злой дух не возбудил во врагах негодования; поскольку они только с пышностью и силой таскаются... братья должны между собой разделяться... Также когда входят в город, не должны вместе останавливаться в доме, но разделяться и притом не более, как по два, без всякого возмущения и в тишине. Не надо знать или замечать их общественному лицу».

ПОВЕДЕНИЕ ДРЕВНИХ ХРИСТИАН В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Рассматривая отношение первых христиан к язычникам в общественной жизни, укажем на общие черты, в которых оно раскрывалось постоянно; а также представим, как вели себя они в определенных случаях.

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

Общественная жизнь христиан по отношению к язычникам являлась в постоянной любви к ним и различного рода благотворительности. Христианство, возвысив достоинство человека и изменив прежние отношения между отдельными людьми и целыми народами, соединило тех, которые почитали друг друга врагами. По учению Иисуса Христа и святых Его апостолов, иудеи и эллины, варвары и скифы, рабы и свободные, мужчины и женщины — все дети одного Отца небесного, все

члены единого тела — церкви Христовой, все напоены единым Духом и все имеют равные права на получение благ, доставленных Сыном Божиим всему роду человеческому.

И первые христиане, верные последователи Евангельского учения, смотрели на всех иноверцев и врагов, как на подобных себе людей, которые должны бы составить с ними единое семейство, управляемое единым Иисусом Христом, как его Главою, — смотрели на язычников, по выражению Тертуллиана, «как на братьев по праву природы, единой всех матери».

Иустин мученик сравнивает поведение христиан с поведением их до обращения: «Прежде мы более всего заботились о снискании богатства и имения, — ныне и то, что имеем, вносим в общество и делимся со всяким нуждающимся; прежде друг друга ненавидели и убивали, и с иноземцами, по обычаям нашим, не могли быть за одним столом, — ныне, по явлении Христовом, живем вместе и за врагов молимся, и несправедливо ненавидящих стараемся убеждать, чтобы они, живя по славным Христовым правилам, верно надеялись получить с нами одни и те же блага от владычествующего над всеми Бога».

Поэтому христиане любовь к врагам-язычникам считали необходимой обязанностью, которой каждый из них отличается от всех иноверных, как незнающих заповеди о любви ко врагам. Апостолы, говоря о любви христианской к язычникам, от лица всех христиан исповедуют, что им повелено от Иисуса Христа любить врагов, и они поступают по Его заповеди, поскольку это долг каждого из них. «Как душа, — по свидетельству Иустина мученика, — любит плоть свою и члены, несмотря на то, что они воюют против нее; так и христиане любят тех, кто ненавидит их».

Иустин мученик, Афинагор, Феофил Антиохийский и Тертуллиан, свидетельствуя о любви христиан к язычникам, указывают на слова Иисуса Христа об искренней любви ко врагам (Мф. V, 44, 46).

Тертуллиан говорит даже о том, что христиане не могут не любить врагов своих: «Если повелено нам любить врагов, то кого же нам ненавидеть? Если нам запрещено мстить огорчающим нас, дабы не сделаться столь же виновными, как и они, то позволено ли нам кого-нибудь оскорблять?» Он же писал: «Закон наш повелевает любить наших врагов и молиться за гонящих нас: любовь эта составляет наше

совершенство; она есть удел наш, в котором другие люди не участвуют. Любить друзей могут все; но любить врагов свойственно одним христианам».

«По заповеди Господа, — писал святой Ириней, — мы не только не должны ненавидеть ближних, но должны любить и врагов, худо обращающихся с нами; быть великодушными и оказывать благоволение и молиться за них, чтобы они могли покаяться и спастись. Ни в чем не должны мы подражать их поношению, их пожеланию и гордости».

Постоянно имея перед глазами учение Иисуса Христа, древние христиане согласно с ним и поступали. «Что имеем мы в слове, — писал Афинагор, — то исполняем на деле и воспитываем в себе не иное что, как это: «Аз глаголю вам: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас». — Потому мы столь благосклонны, что любим не только друзей, но и врагов». Ему вторил и Кассиодор: «Мы любим язычников не столько по собственному нашему побуждению, сколько по Божественному повелению. Мы обнимаем нашей любовью не только кротких, но и злых, и нерасположенных к нам людей».

Дух мщения вовсе не свойствен был древним христианам; они предоставляли это единому Богу, а людей, хотя бы они были самые жестокие враги, почитали орудиями Божественного правосудия или милосердия, и потому никогда не ослабевали в любви к язычникам, и за зло платили добром. «За вашу ненависть, — писал святой Киприан к одному из язычников, — мы воздаем вам доброжелательством, и за ваши пытки и мучения указываем вам пути к спасению».

При своей многочисленности, они могли бы мстить язычникам, но по чувству любви, которым исполнены были сердца их, никогда не решались на мщение. «Заметили ли вы, — писал Тертуллиан язычникам, — чтобы мы когда-либо старались отомстить за ожесточение, преследующее нас даже за гробом? Достаточно было бы одной ночи с несколькими факелами, чтобы воздать зло за зло, если бы нам позволено было».

Постоянно расположенные к язычникам, христиане никогда не доходили до мысли, чтобы сделаться их врагами, напротив, своим распространением сокращали еще число римских врагов, оставаясь врагами не для людей, а для одних заблуждений.

По словам Тертуллиана, «ныне одно только множество христиан — причина тому, что неприятели ваши являются в малом числе... А вы, не приемля услуги, не рассуждая, что мы не только полезны, но и нужны вам, вы поступаете с нами, как с неприятелями. Мы, правда, отъявленные враги, но враги заблуждения, а не рода человеческого».

Об апостолах и мучениках преподобный Макарий Египетский говорил, что «они слово Спасителя хранили в сердцах своих, не заботясь более ни о чем... Они избрали вместо славы бесчестие, вместо сладостей мира бедность и вместо гнева любовь ко всем. Они ненавидели богатство мира сего, а тех более любили, которые отнимали его, содействуя им в достижении цели. Они ни добрых не удаляли от себя, ни злых не осуждали, но почитали всех их орудиями Божественного управления. Ко всем имели благосклонное расположение, поскольку слышали слова Господа: «... прощайте, и прощены будете» (Лк. VI, 37), то и почитали благодетелями тех, кто обижал их, получая через них как бы случай к прощению своих грехов».

По чувству своей любви христиане старались жить в мире и согласии с язычниками. Они избегали всех случаев к оскорблению

язычников, враждовавших против них: собирались не днем и явно, а ночью и тайно, и совершали свои Богослужения не иначе, как в уединении, даже вне городов и селений, в пещерах и на кладбищах. Тертуллиан давал совет: «Если ты не можешь собираться днем, то имеешь ночь, при большем освещении ее Иисусом Христом. Лучше не увидишь против себя возмущения, между тем как ты себя самого — раба посвятишь в деву, невесту Христову. Никто на это не будет жаловаться».

При общении с язычниками христиане были тихи, скромны и ласковы, воздерживались не только от дел, но и от слов, которые могли оскорбить. И когда терпели обиду от язычников, не заводили с ними ни частных, ни публичных споров. «Христиане, — по словам Афинагора, — не ведут никакого процесса с теми, кто похищает их собственность».

Тертуллиан писал от лица христиан: «Собирались ли мы когда-нибудь, чтобы кому бы то ни было нанести вред? Мы и в собраниях, и по одиночке, вместе и порознь, никогда никого не огорчаем, никого не оскорбляем». В другом месте он защищал ту же мысль перед африканским проконсулом: «Мы составляем большую часть империи, но безмолвие наше, воздержание наше таково,

что вы знаете нас не иначе, как в частности, по одиночке, и собрания наши никогда не подают вам повода к страху. Мы отличаемся от других сограждан тем только, что стараемся исправить себя от прежних пороков».

Дух миролюбия так соблюдаем был христианами, что если когда-либо доходили они до мщения, то исключаемы были из общества правоверных. Напротив, христиане, будучи удалены от всякого мщения, старались преодолевать одной любовью все оскорбления, причиняемые им язычниками в словах или в делах, по наставлению апостола: «не будь побежден злом, но побеждай добром зло» (Рим. XII, 21). «Бог хочет, — пишет Иустин мученик, — чтобы мы не противились и не подражали злым, но заповедует, чтобы терпением и кротостью мы отклоняли всех от порока и страсти к злу».

МИЛОСЕРДИЕ

Воспитывая постоянно в сердцах своих любовь к язычникам, древние христиане доказывали ее делами милосердия, принимая живое участие в бедствиях, постигавших в частности кого-либо из язычников, или вообще целую их область.

Они, по свидетельству Тертуллиана, «щедрой рукой подавали милостыню язычникам, нуждающимся в ней и просящим у них, содержали бедных из них, ровно как и своих единоверных, на иждивении своих церквей, делились со всеми нуждающимися тем, что имели у себя, и чем только могли, всегда сохраняя, по свидетельству Иустина мученика, слова Иисуса Христа, Который заповедал благотворить, оказывать искреннюю услугу врагам во всем, в чем только они возымеют нужду, и подражать Отцу небесному, премилосердному ко всем».

Проникнутые чувством сострадания, они не могли равнодушно смотреть на несчастных язычников, а с искренним расположением помогали, когда видели их просящими милостыню, больными, печальными, слабыми, не имеющими крова, и тем возбуждали к себе их расположение. Все свое достояние они считали как бы не своим, а общим не только с единоверными, но и с язычниками.

О странноприимстве христиан к язычникам знаем, например, из жизни святого Пахомия. Он, с молодых лет служа в римском войске, отправился некогда со своим полком по морю и пристал к одному городу, где весьма удивила его встреча жителей,

которые принимали их с таким дружелюбием, как прежние друзья. Пахомий спросил, что это за люди, и ему сказали, что это люди особенной веры, называющиеся христианами. Тогда родилось в нем желание узнать их учение, и это было началом его обращения.

Милосердие и сострадание древних христиан к язычникам особенным образом являлось в тех случаях, когда язычники или не могли помогать своим идолопоклонникам, или когда могли бы, но не имея в сердце своем искренней любви друг к другу, оставляли их без помощи.

ВРАЧЕВАНИЕ И ИЗГНАНИЕ ЗЛЫХ ДУХОВ

К благодеяниям первого рода относится то, что христиане избавляли язычников от демонов. Злые духи, почитаемые язычниками, имели близкое общение с ними, свободно входили в них и подвергали их ужасным мукам.

Язычники не могли получить помощи в этих страданиях от своих братьев, а только от христиан, которые, имея тогда чудесную власть над злыми духами и дар исцеления, по одному чувству сострадания изгоняли их

из язычников именем Иисуса Христа и исцеляли их от неизлечимых болезней. «Христиане, — пишет Иустин мученик, — многих, одержимых демонами и неисцеленных всеми заклинателями, заговорщиками и чародеями во всем мире и в вашем городе, исцелили и ныне еще исцеляют, заклиная именем Иисуса Христа, распятого при Понтийском Пилате, и тем побеждают и изгоняют овладевших человеками демонов».

Тертуллиан, указывая на любовь и благотворительность христиан к врагам-язычникам, говорит им: «Кто бы избавлял вас от скрытных врагов, имеющих пагубное влияние как на тела, так и на души ваши, я хочу сказать, от демонов, которых мы изгоняем бескорыстно и безвозмездно? Мщение наше удовлетворилось бы одним тем, чтобы вы вполне предоставлены были злобе нечистых духов».

В послании к африканскому проконсулу он же указывает: «Адвокаты готовы помогать христианам, бывающим для них весьма часто полезными. Известный нотариус, побуждаемый демоном ввергнуться в пропасть, был освобожден от него через заклинание своим клиентом-христианином. У кого из вас нет родственника, дитя, друга (не говорю о народе), которых бы христиане не избавляли от

демонов или не исцеляли от болезней?» Далее он упоминает о христианине Прокле Турпасионе, который исцелил императора Александра Севера посредством помазания святым елеем, и за то после был уважаем им.

Благодеяния другого рода оказывали христиане язычникам во время общих бедствий, когда, например, голод и язва свирепствовали в тех языческих областях, где жили и христиане.

Киприан в свое время показывал христианам и язычникам, как различно смотрели они на общественные бедствия: «У вас всегда громкоропотное и жалобное нетерпение; у нас, напротив, терпение всегда мужественное и благоговейное, всегда спокойное и всегда благодарственное к Богу». В другом месте он пишет: «В том-то и состоит различие между нами и людьми, не знающими Бога, что те в злоключениях жалуются и ропщут, а нас, напротив, бедствия не отклоняют от истинной веры и благочестия, но еще более укрепляют».

Не унывая и не сокрушаясь во время общественных несчастий, христиане с чувством искреннего сострадания принимали к себе в дом страждущих, раздавали пищу голодным, посещали больных и врачевали их, погребали умерших, выброшенных язычниками.

При императоре Максимине случился ужасный голод вместе с моровой язвой, так и те, кто не умирал от голода, погибал от заразы. «В то время, — по свидетельству Евсевия, — попечение и любовь христиан известны стали всем язычникам. Только христиане показали делом сострадание и человеколюбие, постоянно продолжали заботиться и погребать умерших; собирали также из целого города в одно место всех изможденных голодом и раздавали им хлеб. Этот поступок христиан такое произвел действие, что все прославили Бога христианского, а самих христиан признали благочестивыми людьми»...

«Во время жестокой язвы, опустошавшей Александрию при императоре Валериане, — по свидетельству Дионисия Александрийского, — христиане показали беспримерные опыты любви к своим гонителям тем, что одни только помогали несчастным. Бедствие достигло высшей степени, и нужда во взаимной помощи была самая крайняя. Но язычники не чувствовали в себе никакого сострадания. Каждый из них думал только о себе и собственном спасении. Они оставляли без всякого призрения тех, кто заболел, — и оставляли не только чужих, но и своих родственников и друзей. Полумертвых выбрасывали на улицы; а мертвые оставались без погребения.

Как же христиане смотрели на общее бедствие? Тогда как язычники были в ужасе и отчаивались, христиане спокойно смотрели на несчастье, как на испытание их со стороны Божественного Промысла. В пламенной любви к своим несчастным братьям они не думали о себе, а заботились о страждущих, выносили больных на своих руках, а выброшенных мертвых предавали земле, и с самоотвержением спокойно подвергали опасности за них жизнь свою. Христиане ходили не только за своими, но и за язычниками, больными и умершими, подвергали себя вместе с ними смерти, так что пресвитеры, дьяконы и лучшие из мирян умирали, и число духовных значительно сократилось в Александрии».

Что случилось в Александрии, то было и в Карфагене. Едва кончилось жестокое гонение Декия, в 252 году распространилась моровая язва во многих областях Римской империи, и особенно усилилась в северной Африке. Несмотря на малодушие язычников и на то, что они в своем ослеплении считали виновниками язвы христиан, последние не усомнились благотворить своим врагам.

Епископ Киприан, ревностный пастырь церкви, старался внушить пастве, что несчастье — это испытание любви к ближним: «Настоящая язва, которая кажется страшной и жестокой,

исследует правоту каждого и испытывает внутренние свойства человеческого рода.

Именно теперь можно узнать: здоровые служат ли больным; ближние нежно ли любят родственников; господа снисходительны ли к заболевшим рабам; врачи не оставляют ли больных, умоляющих их о помощи; жестокосердые укрощают ли свою свирепость; хищники погашают ли, хотя страхом смерти, ненасытный пламень губительного сребролюбия; гордые преклоняют ли свою шею; нечестивые смягчают ли свою дерзость; богатые, умирающие без наследника, отказывают ли что-нибудь бедным своим братьям?... Так, это бедствие есть для нас испытание, а не гибель».

В другой раз он говорил своей пастве: «Если мы своим только будем делать добро, то мы еще не более, чем мытари и грешники. Но мы дети Отца небесного, Который простирает лучи света на злых и благих и дождь на праведных и неправедных, Свои дары и благословения распространяет не только над своими, но и над теми, кто по своим мыслям удалены от Него: поэтому мы должны доказать делом, если хотим быть совершенными, как совершен наш небесный Отец, мы хотим благословлять тех, кто проклинает нас, делать добро тем, кто преследует. Вот случай

христианам показать свое истинное достоинство перед язычниками. Протяните руку помощи тем, над которыми тяготеет рука смерти. Не смотрите на лица страждущих; они все ваши братья, дети единого Отца небесного. Пусть язычники узнают, что даже смерть не может угасить в христианине любви к врагам».

Увещения святого Киприана не остались тщетными. Составилось из христиан отдельное общество для погребения умерших: богатые употребляли деньги, бедные — свои руки, чтобы ходить за больными и убирать умерших; и сам город этим был спасен от истребления язвой. Даже богоотступник Юлиан, в обличение язычников, принужден был указать на благотворительность христиан: «Стыдно нам, что нечестивые галилеане (так отступник называл христиан), кроме своих бедных, питают еще и наших, которые не имеют помощи от нас».

МОЛИТВЫ ЗА ЯЗЫЧНИКОВ

Древние христиане благотворили язычникам, не ограничиваясь ни местом, ни временем, ни другими внешними обстоятельствами, — благотворили постоянно, явно и тайно, во всех состояниях.

Благотворительность христиан по отношению к язычникам состояла и в молитве, которая, будучи их постоянным занятием, была возносима к Богу не только за своих единовѣрных, но и за тех, кто принадлежал к языческой или другой какой религии. Молитва, воссылаемая христианами за язычников, составляла самую лучшую их благотворительность, простиравшуюся не на здравие только тела, но и на спасение души, не на счастье в настоящей только жизни, но и на блаженство в будущем, нескончаемом веке.

Святой Иустин мученик неоднократно изображает христиан молящимися за врагов и гонителей. Тертуллиан указывал язычникам на молитвы, совершаемые за них христианами: «Из любви к ближнему нам строго повелено молиться за врагов наших и добротворить гонящим нас».

«Закон молиться за других, — по указанию Амвросия Медиоланского, — единодушно сохранило благоговение учителей и всех верных; не было ни одного уголка в мире, где бы не совершалась эта молива. Общества взывали к Господу за неверных и за врагов креста Христова, за всех язычников, за всех, кто преследовал Христа в Его членах».

Преподобный Макарий Египетский так описывает молящихся христиан в первенству-

ющей церкви: «Случалось иногда (при содействии Благодати), что верные, находясь в плаче и сетовании за весь род человеческий и в молитвах за всех, происшедших от Адама, приходили к слезам и воздыханию, воспламеняемые духовной любовью к человечеству». Молитвы о благоденствии язычников совершались христианами в домашней жизни, в ежедневных их собраниях, в присутствии самих язычников, и входили в состав Богослужения.

Как жертва сокрушенного духа и смиренного сердца, «как действие Благодати, они были угодны Богу»; и потому не оставались бесплодными, а испрашивали то, о чем просили.

Тертуллиан, указывая на идолослужение язычников во время бедствий, писал от лица христиан: «А мы, изнуряясь постом, очищаясь воздержанием, удаляясь от всяких удовольствий, и покрываясь вretiщем и пеплом, — мы обезоруживаем небо; и когда удостоимся испросить прощение, вы благодарите за то Юпитера». В другом месте Тертуллиан приводит пример: «Прочтите письмо Марка Аврелия, в котором он свидетельствовал, что жестокая жажда, томившая воинов его в Германии, утолена была дождем, испрошенным от неба молитвами христианских воинов».

В сохранившемся письме Марка Аврелия к сенату так изображается это событие:

«Лишь только христиане повергли себя на землю, и начали молиться Богу, Которого я не знал, тотчас явилась с неба вода, для нас прохладительная, а для врагов римских была она градом огненным».

В послании к африканскому проконсулу Тертуллиан еще яснее указывает на это происшествие: «Во время похода Марка Аврелия в Германию, христианские воины молитвами испросили у неба обильный дождь тогда, как армия крайне нуждалась в воде».

Но молитвы христиан за язычников не ограничивались одним желанием временного им благоденствия. Христиане сознавали, что Царство Божие, приготовленное для верных Иисусом Христом, должно быть наследием всех людей, как иудеев, так и язычников, и на земле повсюду должно быть распространяемо верными сынами церкви Христовой. Отсюда происходила удивительная ревность, с какой первые христиане заботились о вечном спасении упорных язычников. «Мы молимся, — пишет Иустин мученик, — за врагов, и тех, кто преследуют нас ненавистью, стараемся склонить убеждением, чтобы, живя по честным правилам Христа, имели благую надежду, что они получат тоже вместе с нами от Бога, Владыки всех людей».

«Мы молимся, — говорит он же Трифону иудею, — за вас, иудеев, и за всех других людей, которые живут с нами во вражде, чтобы вы с ними обратились ко Христу и более не хулили Его». На то же самое указывали святой Ириней, Климент Александрийский и другие писатели.

По свидетельству блаженного Августина, «первые христиане увещевали даже друг друга, чтобы искренно и чистосердечно молиться за неверных об обращении их к Богу»; и один из них, по его же свидетельству, так говорил об этом: «Не благо ли молиться за неверных и врагов, чтобы они приняли веру Христову?»

Августин предлагал и правила для тех, кто стал бы сомневаться: «Молись только за врагов, а не говори, как Бог может обратить столь злых и развратных людей? Поистине, не сомневайся в том; но помни, Кого ты просишь, а не за кого просишь. Ведь ты молишься всемогущему Богу, Который тебя самого так же обратил».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

В гражданской жизни Римской империи были различные общественные должности, занятия и увеселения. Как смотрели первые

христиане на принятие общественных должностей и, в частности, воинского звания? Общественные должности как при самом вступлении, так и при исполнении их, требовали участия в языческих обрядах. Нужно было давать присягу по языческим правилам; а гражданским чиновникам нужно было показывать первый пример в изъявлении радости среди публичных торжеств, украшать дома венками или светильниками и участвовать в других языческих обычаях. Но это было противно высокому чувству древних христиан, старавшихся подражать Наставнику своему Иисусу Христу в смирении, самоотвержении и отречении от всего земного. В этом-то смысле говорит Тертуллиан христианам: «Вы, служители Иисуса Христа, освободившего вас от рабства века сего: вы должны действовать не иначе, как по Его примеру и закону.

Господь ваш провел жизнь Свою в бедности и смирении, не имея где главу Свою приклонить (Мф. VIII, 20) ... Если Он не оказывал власти над учениками Своими, которым, напротив того, умывал ноги, если отказывался от царства, ведая права Свои на него; то все это делал для того, чтобы показать ученикам Своим, каким образом надлежит поступать с знаменитостью, с

пышностью и с властью. Кому все эти почести более приличествуют, как не Сыну Божию?... Стало быть, Он отверг то, чего не хотел; что отверг, то осудил; а что осудил, то предал сатане и его клеветам».

Слава мирская не увлекала христиан, удалявшихся от нее: «По страху, — писал Иустин мученик, — мы стараемся беседовать и обращаться с людьми, как повелевает Писание, а не по пристрастию к деньгам, славе и удовольствию: в этом никто не может обличить нас». Тациан ему вторил: «Мы не ищем пустой славы». Искать славы, по внушению Тертуллиана, не позволено тем, честь которых состоит во всяком уничижении.

Обязанность служить государству казалась христианам несогласной с их кротостью и потому, что исполняя ее, должно было подвергать виновных осуждению, наказанию и даже смертной казни. Опасаясь связывать себя с управлением государства, они хотели помогать ему более духовным образом: молитвами, назиданиями, очищением и возвышением общественной нравственности, своим высоким примером в жизни. И в извинение своего удаления от общественных должностей они указывали язычникам на примеры их жрецов, которые не обязывались ни

к каким должностям; а требуя себе равных с ними прав, говорили, что христиане — священники Бога истинного, Которому служат за всех людей.

Впрочем, были среди христиан и такие, которые защищали позволительность принятия на себя общественных должностей, указывая на примеры в Ветхом и Новом Заветах.

Из Ветхого Завета, обыкновенно, указывали на Иосифа и Даниила, управлявших Египтом и Вавилоном; из Нового Завета — на Капернаумского сотника, который и в этом звании свидетельствовал достоинство веры своей перед Иисусом Христом (Лк. VII, 2-10) и на слова апостола Павла (1 Сол. IV, 11; 2 Сол. III, 6-15), повелевавшего питаться христианам своими трудами. Оттого не было недостатка у христиан в начальниках всякого рода, которые, занимая почетные места в государстве, старались проходить свои должности самым безукоризненным и усердным образом.

В истории мучеников мы находим христиан-сенаторов, даже консулов, придворных и вельмож при императорах: Нероне, Траяне, Александре Севере, Декие, Валентиниане, Диоклитиане и других.

«Христиане, — по свидетельству Киприана, — занимали должности сенаторов,

отличных мужей и всадников римских, как видно из приказания Валериана, по которому он велел их, с лишением чинов, лишать имущества или казнить, а благородных жен лишать имущества, заточать».

Тертуллиан писал язычникам: «Мы существуем, так сказать, со вчерашнего дня, и уже наполняем все: ваши города, острова, замки, пригороды, советы, лагеря, трибы, декурии, двор, сенат, форум; предоставляем вам одни только ваши храмы».

В другом месте он писал африканскому проконсулу: «Какие мучения претерпит Карфаген, в котором ты намерен предать казни десятого человека, когда воинам твоим придется отсекаать головы не иному кому, как друзьям или родным своим, когда они найдут среди них римских патрициев и знатных жен, столько же благородных, как сам ты, и может быть — собственных твоих ближайших родственников и искренних друзей».

Принимая христианскую веру, языческие начальники обыкновенно оставались при своих местах, хотя и удалялись от религии, прежде ими исповедуемой. Так, например, Иппарх и Филофей, соделавшись христианами, не переставали занимать важные должности в государстве и были знаменитейшими людьми в городе Самосате; но удаляясь два

года от языческого идолослужения, наконец, пострадали мученической смертью при императоре Максимине, оплакиваемые многими из язычников — своих сограждан, за доброе их обхождение.

Лактанций о гонении императора Диоклитиана пишет, что «он умерщвлял самых знаменитых придворных, которые управляли двором его, и которых советами он прежде руководствовался».

Занимая почетные места в государстве, христиане получали от своих единоверных и внушения исполнять со всей точностью и верностью возложенные на них должности.

Феона, епископ Александрийский, в конце III века писал к Лукиану, главному начальнику придворных императора Диоклитиана: «Обязанности, какие на каждого из вас (христиан) возложены, исполняйте со страхом Божиим, любовью к императору и со всевозможной исправностью. Повеления императора, которые не противны закону Божию, принимайте как повеления Божии, и исполняйте их с любовью, страхом и охотно...

Я слышал, что иной из вас должен хранить деньги, в частности, принадлежащие императору, другой — императорские одежды и украшения, иной — драгоценные сосуды, другой — книги, иной — другие драгоценные

вещи. Я кратко покажу, как надо исполнять различные должности».

И во всех наставлениях он внушал, чтобы должности, занимаемые при дворе императора христианами, были выполняемы со всей точностью, ревностью и осмотрительностью, не из страха, а из чистой христианской любви к императору и, особенно, к Богу, поставляющему и высших, и низших начальников, так, чтобы безукоризненное и примерное поведение их могло действовать на императора и произвести в нем благодетельную перемену в пользу христианской веры.

Верность христиан в прохождении занимаемых должностей была столь велика, что привлекала к себе особенное внимание императоров и заслуживала особенное благоволение. Тертуллиан, указывая на пользу верных для государства, говорит об уважении императоров к христианам-начальникам, верно исполнявшим свое служение: «Потому-то сам Север, отец Антонинов, имел случай похвалиться христианами».

Далее, упомянув о христианине Прокле, служившем при дворе Александра Севера, уважаемом им и Антонином, Тертуллиан продолжает: «Сверх того Север, знавший многих патрициев и знатных жен нашей веры, не только не мучил их, но всячески им

благоприятствовал, и умел противоборствовать свирепству народа, вооруженного против нас».

«Императоры, — пишет Евсевий о временах Диоклитиана, — вверяли христианам управление народов, освобождали их от обрядов жертвоприношения по особенному расположению к нашей религии».

Древние христиане всегда были готовы к принятию и усердному исправлению общественных должностей, и никогда не позволяли бы себе уклоняться от них, если бы только исповедуемая ими вера всегда могла оставаться без вреда со стороны языческого идолослужения.

ВОИНСКАЯ СЛУЖБА

Что касается воинского звания, то оно затрудняло древних христиан еще более, нежели другие общественные должности. Кроме того, что воинское звание необходимо требовало от христиан участия в некоторых языческих обрядах, оно казалось им несогласным с духом исповедуемой ими веры, которая, по их убеждению, водворив повсюду мир, учит и жить всем в мире и согласии.

Свое понятие о воинском звании Тертуллиан выражает так: «Будет ли позволено нам заниматься мечом, когда, по слову Господа, тот сам погибнет от меча, кто поднимет меч?

Как будет действовать на войне сын мира, которому неприлично сражаться? И тот, кто не мстит за свои обиды, станет ли распоряжаться узами, темницей, ударами и наказаниями? Ужели он более станет совершать стояния для других, чем для Христа? Ужели и воскресный день не для Христа? Ужели будет стоять он на часах у храмов, от которых отказался; и будет ужинать там, где не уютно апостолу? И кого днем избегал через заклинание, тех ночью будет охранять, возлежа и покаясь на копье, которым прободен был Христос? И на знамени будет носить врага Христова, и потребует от начальника свободы тот, кто получил ее уже от Бога? И сонный будет пробуждаться звуком трубача, который и сам ожидает своего пробуждения от трубы Ангела? И будет совершать курение по воинскому обычаю тот, кому не позволено жечь ладана (пред идолами), кого Христос освободил уже от заслуженного огня? И сколько подобного можно находить около воинских станов, что должно считать преступлением».

Впрочем, и сам Тертуллиан, не расположенный к воинскому званию, думал также,

что не должно осуждать тех, кто будучи воинами, остаются в своем звании, доколе это не будет вредить исповеданию их веры.

Ориген на требование Цельса, что христиане должны помогать императору оружием и сражаться за него, отвечает от лица верных: «Мы доставляем царю помощь на месте, — и помощь Божественную, облекшись, так сказать, во всеоружие Божие (Еф. VI, 11), и делаем это, повинувшись слову апостольскому (1 Тим. II, 1, 2). И чем благочестивее кто из нас, тем большую помощь оказывает царям, и более делает, нежели идущие на сражение воины, которые, по возможности, убивают врагов. А тем, кто будучи удалены от нашей веры, требуют, чтобы мы принимали оружие для общественной пользы, можем отвечать: кого вы имеете у себя жрецами идолов и блюстителями ваших богов, те хранят руки свои неокровавленными для того, чтобы приносить жертвы вашим богам руками, неоскверненными кровью и убийством: между тем вы им приписываете наименование воинства и без участия в войне.

Если это справедливо, то христиане ведут войну гораздо более, нежели те, кто сражаются; они сохраняют руки свои в чистоте, но сражаются возношением молитв к Богу за тех, кто по праву ведет войну, и за того,

кто по праву царствует, чтобы сокрушить все противное и враждебное людям, живущим по правде. Мы молитвой поражаем также и демонов, производящих войны, побуждающих нарушать союз и мир; а через это гораздо более помогаем царям, нежели те, кто видимо сражается за них».

Те, кто так смотрел на войну и воинское звание, старались мнение свое подтвердить призыванием всех христиан к священству и духовной брани против дьявола, важностью Священного Писания и, особенно, изречениями Иисуса Христа. Они то относили к войне заповедь, данную через Моисея: не убей; то имели в виду пример апостола Петра, который от действия обнаженным мечем остановлен был Господом и скрыл свой меч; то буквально прилагали к церкви Христовой предсказания пророка Исайи о всеобщем и чудесном распространении мира; то выводили непозволительность войны из правил Иисуса Христа о равнодушном перенесении обид и о любви ко врагам (Мф. V, 39-44).

При Диоклитиане юноша Максимилиан в Нумидии на принуждение проконсула к принятию воинского звания, указывал ему на то, что он сражается не за мир, но за Бога, что он носит на себе знамя Христа, своего Бога, что он служит уже вместе с другими Христу

и что имя его записано уже у Господа, Который внушает ему это.

При императоре Ликиние епископ Парийский Феоген на принуждение вступить во второй Траянов легион, отвечал: «Я христианин, я записан в службу моего Царя, Который есть Царь всем царям. Служа Ему, не могу служить тому, кто преследует исповедников Господа».

Но были между первыми христианами и такие, кто защищал позволительность воинского звания, указывая на примеры в Ветхом и Новом Завете.

Они ссылались на войны, веденные вообще всем еврейским народом, и в частности, Авраамом, Моисеем, Давидом; на слова апостола Павла, где слуга Божий именуется не напрасно меч носящим (Рим. XIII, 4); находили примеры и в Новом Завете, по которым воинское звание не принадлежит к занятиям запрещенным. Когда, например, приходили к Иисусу Христу и апостолам воины, то не слышали никакого запрещения в прохождении их звания (Мф. VIII, 5; X, 34, 35; Деян. X, 1).

Особенно в защищение воинского звания они указывали на правила Иоанна Предтечи, который приходившим к нему воинам не воспрещал оставаться в их звании, но советовал только не требовать себе излишней

платы и удерживаться от обид и клевет (Лк. III, 14; VII, 1-10).

Отцы церкви, особенно когда государство и церковь Христова начали быть между собой в союзе, хотя постоянно внушали христианам мир и согласие, но не запрещали производить позволительные войны и поднимать справедливое оружие, а воинам часто внушали мужественно защищать отечество. Христиане древней церкви, по свидетельству Тертуллиана и Евсевия, действительно находились в воинском звании и исправляли должность свою вернее, ревностнее язычников, и с гораздо большей пользой.

Воинами служили у язычников христиане не по одному или по два; из них состояли целые легионы. Сколько оказал пользы своим духовным оружием — молитвой — христианский громоносный легион императору Марку Аврелию во время германского похода, об этом свидетельствовали сами язычники.

Знаем также и о другом, состоявшем из христиан, храбром Фивском легионе, который, по примеру вождя своего Маврикия, весь принял мучение от Максимиана Геркула.

Но если христиане отказывались иногда от военной службы, то это происходило не от какого-либо их упорства, а от самих язычников, которые принуждали их оставлять

истинную веру и участвовать в обрядах идо-
лослужения. Сколь ревностны к защите оте-
чества были древние христиане, свидетель-
ствует также пример Евстафия Плакиды,
жившего при Траяне.

Мученик Гордий, по свидетельству Васи-
лия Великого, при императоре Диоклитиане
был начальником над сотней воинов; но при от-
крытии гонения, оставил службу, почести и
удалился в пустыню.

В Никомидии Урпасиан, отличный воин,
говорил императору Максимиану, лишавше-
му христиан за исповедание веры всякой
честь и достоинства и изгонявшему их из го-
рода: «Государь! Если мои услуги не нужны
тебе, если Урпасиан не нужен для тебя; то я
воинствую Царю небесному и бессмертному
Господу моему Иисусу Христу: возьми об-
ратно отличия, тобой мне дарованные; вид-
но, слугитель Христов не может быть слу-
жителем Максимиана».

Подобным образом и сотник Маркелл
(при Галерии, 298 г.) отказался от военной
службы, потому что его хотели заставить от-
казаться от веры Христовой. Как только при-
метил он, что хотят принудить его принести
жертву идолам, бросил на землю жезл и пре-
поясание, сказав: «Если звание военнору-
жащих таково, что они обязаны приносить

жертву богам и императорам, то я повергаю жезл мой и препоясание, оставляю знамена свои, и отрицаюсь от службы».

ТОРГОВАЯ И РЕМЕСЛА

Поскольку христиане первенствующей церкви жили с язычниками в одних городах и селениях, покажем, как вели себя христиане в деле общежития и промышленности с язычниками.

Большая часть язычников в то время предана была чувственным наслаждениям; а некоторые, представляя все в мире нечистым, оскверненным, питали мрачное отвращение от всего мира и от позволительных в нем удовольствий.

Христиане, соблюдая правильную средину между этими крайностями, научили людей смотреть на мир с его благами надлежащим образом. Они слепую, безрассудную страсть язычников к наслаждениям заменили благоразумным воздержанием, а мрачному, надменному удалению от мира противопоставили дух смирения, чувство любви и радости в Духе Святом так, чтобы всеми земными благами пользоваться с чувством благодарности к

Отцу небесному, благому их Раздаятелю.

Первые христиане не чуждались общегития с язычниками, а старались только быть светом для всех людей и солью мира. Поэтому и торговля не была для них занятием запрещенным, только не должна была простираться на предметы, относящиеся к языческому идолослужению.

Как в деле промышленности, так и вообще в отношении к употреблению земных благ, христиане всегда старались вести себя так, как заповедал апостол, чтобы имеющие были как не имеющие; покупающие, как не приобретающие; пользующиеся миром сим, как не пользующиеся (1 Кор. VII, 29-32). Они знали слова апостола: «Все мне позволительно, но не все полезно» (1 Кор. VI, 12), и выражали это во всем образе своего поведения.

Но язычники, по неведению своему, смотрели на христиан, как на род, не любящий света, умерший для мира и бесполезный для него. На эту пустую клевету Иустин мученик отвечал: «Христиане не отличаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни обычаями. Они не населяют где-либо собственных городов, не употребляют особенного какого-либо наречия, и ведут жизнь, ничем не отличную от других... Не защищают

они учения человеческого, как другие, но обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и последуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, удивительное и поистине чудное показывают благоустройство в своем поведении». Подобное свидетельство о христианах находим у Оригена в ответах на хуления Цельса.

Тертуллиан гораздо подробнее отвечал язычникам на то, что будто христиане не общительны и бесполезны для торговых промыслов, он говорил, что они не отказываются от употребления того, что было у язычников, только пользуются всем свободно, не дают ничему господствовать над собой. «Укоряют нас в том, — пишет он язычникам, — будто мы бесполезны для общественной жизни. Как так?

Мы живем с вами, питаемся той же пищей, носим те же одежды, имеем ту же мебель, те же нужды. Мы не уподобляемся индийским брахманам и гимнософистам, не обитаем в лесах, не бегаем людей. Мы помним, что надо за все благодарить Бога, Господа и Создателя всяческих: не отвергаем ничего того, что Он сотворил для нас, а только воздерживаемся от излишества и злоупотребления. Мы с вами бываем на площади, на

рынках, в банях*, в лавках, в гостиницах, на ярмарках, во всех местах, необходимых для общения с другими. Мы с вами плаваем по рекам и морям, носим оружие, обрабатываем землю, торгуем, употребляем те же искусства, и часто собственно для вас. Я не понимаю, почему мы бесполезны, когда живем с вами из доходов, получаемых нами от вас за труды наши».

Далее Тертуллиан указывает на умеренное и благоразумное употребление всего языческого христианами, и между тем говорит: «Надо, однако ж, признаться: иные люди не без основания ропщут, что от христиан нечем поживиться. Это люди, входящие в позорные связи, и их подлые рабы: похитители, убийцы, отравители, волхователи, гадатели, астрологи. По нашему мнению, не малая от того бывает прибыль, что подобные люди не могут иметь никакой поживы».

Имея столь близкое и вместе благоразумное общение с язычниками, христиане отличались особенной честностью, правдой и нелюбостязанием, так что не брали никакого роста с тех, которым давали займы свои

* Отличие христиан от язычников по отношению к общественным баням состояло в том, что христианам, мужчинам и женщинам, вместе ходить туда было строго запрещено.

деньги; удалены были от тех преступлений, в которых участвовали язычники и за которые по праву были осуждаемы.

Тертуллиан писал: «Вы, судящие ежедневно узников, приговаривающие на казнь всякого рода преступников, убийц, мошенников, святотатцев, соблазнительей, скажите по совести: бывает ли среди этих злодеев хоть один христианин, или между приводимыми к вам христианами бывает ли кто из них обвиняем в подобных преступлениях? Читателями богов ваших наполняются темницы, ими пресыщаются звери, их вопли раздаются в рудокопнях, из них составляются толпы преступников для увеселения публики на зрелищах. Среди них или нет ни одного христианина, или если кто и есть, то все его преступление состоит в том, что он христианин; если же он виновен в каком-либо другом преступлении, то конечно, он не христианин».

Обращаясь из язычества, христиане не переставали заниматься тем родом промышленности, которым занимались прежде. Но в таком случае они старались уже освятить и возвысить свои занятия. Так, например, о Феодоте Анкирском, жившем в Галатии во время гонения Диоклитиана, известно, что он, оставаясь корчемником, дом свой сделал

пристанищем, где преследуемые христиане, как в Ноевом ковчеге, укрывались, питались и собирались для совершения своего Богослужения.

Если некоторые из христиан, по особенной ревности к чистоте и воздержанию, удалялись от общества язычников; это происходило не от того, что они не хотели быть полезными членами общества, а от того, что вся промышленность язычников была заражена духом идолопоклонства и соединялась с большой нечистотой и неправдой.

Вот что говорит своему другу новообращенный Киприан о языческой торговле, которая претила высоким чувствам последователя Христова: «Торжище, может быть, покажется тебе невинным, свободным от наглых обид, соблазнительного бесчинства. Хорошо: обрати туда взор свой, но что ты найдешь там?

Множество тех же самых мерзостей, которыми гнушаешься, и которые тем скорее заставят тебя отвратить оттуда свои взоры. Какая польза, что законы начертаны на двенадцати досках, что права, выбитые на меди, открыто для всех выставлены? Нарушают законы среди самих законов, попирают права при самих правах. Невинность не находит защиты там, где ее прибежище.

Взаимные раздоры неистовствуют до бешенства».

Как смотрели христиане на искусства и науки, которыми занимались язычники? Строгие христиане считали для себя запрещенным всякое искусство, стоящее в тесной связи с идолослужением. Кто занимался ремеслом, противным христианскому духу, того не допускали к крещению, прежде чем он отречется от этого ремесла. Это определение, кроме послания апостола Павла к ефесянам, встречается у Иустина мученика, у Климента Александрийского, в Постановлениях апостольских и на соборе Эльверском (в 305 г.).

Согласно с этими определениями, занимающийся непозволенным у христиан ремеслом, при переходе в христианство должен был избрать для пропитания другой род занятий. А если он не мог сделать этого по возрасту, болезни или другим обстоятельствам; то содержался на иждивении церкви, собираемом для бедных. К запрещенным занятиям принадлежали все ремесла, которые тесно соединялись с идолослужением и могли содействовать его распространению, как например, изготовление и украшение идолов, сооружение капищ и жертвенников и другие подобные ремесла.

Некоторые из вступивших в христианство, не желая оставить прежнего своего ремесла, извиняли себя тем, что они сами не кланяются идолам, что они смотрят на изображения их, не как на предмет религии, но как на предмет искусства. Но поскольку в то время строго нужно было отделять искусство, процветавшее у язычников, от истинной веры, исповедуемой христианами, то Тертуллиан, относя к числу запрещенных занятий делание идолов, замечает также и против тех, кто захотел бы извинять себя в том.

Указав на закон Моисеев, по которому запрещено творить себе кумиров, Тертуллиан продолжает: «Хотя бы Бог и не произнес столь ясного на сей счет приговора, хотя бы Дух Святой и не угрожал одинаково как поклоняющемуся идолам, так и делающему их: то один уже чин крещения нашего достаточен к убеждению нас в том, что все эти искусства противны вере.

Отрицаемся ли мы сатаны и всех дел его, приготовляя заведомо идолов? Как можем мы сказать, что отвергаем их, живя не только ими, но и с ними? Отказываемся ли мы от облачений их, когда через них приобретаем себе одежду? Не признаешь ли ты и языком того, кого признаешь, так сказать, руками?

Можешь ли разрушить словом то, что созидаете делом? Можешь ли исповедовать веру во единого Бога, делая многих богов? «Но мы, — говоришь ты, — только делаем их, а не поклоняемся им.» Как будто бы причина, препятствующая поклоняться им, вместе с тем не запрещала и делать их. Оскорбление Бога тут одинаково.

Я же скажу прямо, что ты им именно поклоняешься, потому что они бы без тебя не существовали. Ты возжигаешь им не огонь презренной жертвы, но огонь твоего ума; ты отдаешь им не жизнь какого-либо скота, но собственную твою душу; ты жертвуешь им своим дарованием, своим трудом; ты делаешь им возлияния потом лица твоего. Ты у ложных богов важнее жреца, потому что чрез тебя получают они жрецов. Труд твой составляет всю их славу».

«Не горько ли видеть, — продолжает тот же апологет, — как христианин, оставляя на время идолов, приходит в нашу церковь; как он из мастерской демона является в дом Божий; как подымает к Создателю своему руки, недавно делавшие идолов, слагает перед Богом руки, оскверненные вне церкви осязанием их, простирает к телу Господню руки, созидающие тела демонов».

Впрочем, и у христиан древней церкви не было совсем запрещено заниматься искусствами, если они не противоречили духу Христовой религии. Например, мы знаем, что они, при всем удалении от искусств, изображали на сосудах и перстнях пастыря, несущего на плечах овцу; корабль, направленный к небу; лиру, голубя, якорь, рыбака и другие священные символы, соединяя с ними те или другие свои высокие мысли.

О ЗАПРЕЩЕНИИ АСТРОЛОГИИ, МАГИИ, ГАДАНИЯ

К запрещенным занятиям христиан принадлежало не только делание идолов, но и астрология, магия и другие в то время господствующие у язычников искусства гадания и волшебства, как противные духу Христовой веры. Это запрещение ясно было выражено в Постановлениях апостольских* и на соборе Эльверском. Писатели церкви оставили нам свидетельства, как смотрели христиане на такие занятия язычников.

* По их правилу в книге VIII гл. 32. п. 1, занимающиеся языческими искусствами не должны быть допущены к крещению, пока не оставят их, а несогласяющиеся на это и по принятии крещения, должны быть удалены от церкви.

Тертуллиан говорит, что «христиане никогда не прибегают к астрологии и магии, как наукам, изобретенным мятежными и отверженными от Бога ангелами; что астрологи уподобляются падшим ангелам, удалившимся от Бога для обольщения рода человеческого, и преданным проклятию от Бога».

Ориген, показав предмет астрологии, обращается к каждому христианину: «Если ты примешь в этом участие, и позволишь себя связать этими цепями, то, без сомнения, впадешь в заблуждение Египта. Но когда побуждает тебя к тому любопытство, и вырывается тот враг из твоего сердца, — скажи ему, что следуешь Христу, как Вождю своему, во власти Которого находится все будущее: чего Он захочет, то и будет». Евсевий в своем приготовлении к Евангелию также выражал взгляд христиан на астрологию, как науку, непозволенную им и совершенно противную вере христианской.

Как смотрели древние христиане на астрологию, так смотрели и на магию. Тертуллиан, почитая магию за часть астрологии, признает занимающихся той и другой определенными на вечное осуждение; а в другом месте магию называет обманом и обольщением дьявола.

Святой Киприан пишет: «Кто занимается магическими искусствами, тот тайно отвергает Христа, поскольку имеет союз с демонами». То же почти повторял в письме к Киприану и Фирмилиан. Ориген так отвечает Цельсу о занятиях магией. «Кто почитает Бога, тот не должен служить демонам». Подобный отзыв о магии находим еще у Ерма в книге «Пастырь» и у Иринея.

Волшебство, по словам Оригена, есть обольщение дьявола, насмешка демонов, корень идолослужения, безумие душ и соблазн сердец. Кто прибегает к пустым гаданиям и чародействам, прорицаниям, филактериям и очарованиям; у тех и следы возмущаются, и дела сопровождаются препятствиями, от тех отступает и посещение Божие, тех оставляют и святые Ангелы: с ними пребывает дьявол, ослепляя их умы, омрачая их сердца, отвлекая от истины их чувства.

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Что касается философии и других языческих писаний, то и они, поскольку выражали в себе дух языческого идолослужения, были в числе не совсем позволительных занятий для первых христиан, все свое просвещение и

мудрость полагавших во Иисусе Христе и святом Его Евангелии.

«Чего не достает для вас в законе Божи-
ем? — говорит христианам один древний пи-
сатель. — Хотите истории? У вас есть книги
Царств. Желаете философии или поэзии? У
вас есть Пророки, Иов, Притчи, где вы найде-
те гораздо более ума, нежели во всех поэтах
и философах, потому что это есть слово еди-
ного, премудрого Бога. Любите гимны? У вас
есть Псалмы. Изыскиваете древности? У вас
есть книга Бытия. Наконец, закон Божий
преподает вам правила и наставления ду-
шеспасительные».

По мнению Тертуллиана, занятие язы-
ческой философией не только бесполезно, но
и вредно: ее нужно отвергать и, соответствен-
но наставлению апостола Павла (Кол. II, 8),
чуждаться; а заниматься одной премуд-
ростью Божественной, преподанной нам в
Откровении, с которым не имеет никакой
связи языческая философия. «Что общего, —
пишет он, — между Афинами и Иерусали-
мом, между академией и церковью, между
еретиками и христианами?.. Мы не нуждаем-
ся ни в любопытстве после Иисуса Христа, ни
в изысканиях после Евангелия». В другом
месте он говорил, что «смотрим мы на уче-
ность языческую, как на юродство пред

Богом, поскольку она, и особенно сочинения театральные, наполнены различного рода пороками и худыми примерами».

Подобно Тертуллиану о философии язычников писал и святой Киприан: «Между христианами и философами самое большое расстояние. И поскольку Апостол говорит: блюдитесь, дабы кто не прельстил вас философией и пустою лестью; то должно избегать того, что происходит не от благодати Божией, а от грубого предрассудка».

Впрочем, такой взгляд христиан на философию происходил от грубых языческих понятий и правил, которыми она была наполнена, и также от неблагоприятных обстоятельств церкви, возмущаемой многими ересями. А потому, когда философия у язычников возвышалась несколько над идолослужением и грубыми нравами, и тем приближалась к учению откровенному, то христиане позволяли себе заниматься ею, сколько кому из них было можно и нужно.

Ориген пишет, что его современники-христиане с большим усердием занимались философией Платона и Эпиктета. «Платон, — по его словам, находился в руках людей просвещенных; а Эпиктета читали все для пользы, какую получали от его нравствен-

ных наставлений». Потому-то к философии в лучшем ее виде относились с немалым уважением святой Иустин мученик, Климент Александрийский и другие.

Таким образом, сочинения язычников, и особенно философия, не были для христиан запрещенными, если только они были соединены с благоразумием и умеренностью, не причиняли вреда их вере, а служили к объяснению и утверждению истин ее, так что главным предметом занятий и главным источником нравственной деятельности всегда оставалось Божественное откровение. Об этом можно находить свидетельства у Иустина мученика, Тациана, Ириней, Оригена, Климента Александрийского и других учителей церкви.

Письмо епископа Александрийского Феона к Лукиану, начальнику придворных (при императоре Диоклитиане), показывает, как христианин, будучи библиотекарем при дворе императора, мог пользоваться всеми языческими книгами. «Если случится, — пишет Феона, — что должность книгохранителя возложена будет на христианина, то он должен знать и те сочинения, в которых рассуждается о предметах светских, а не духовных, или которые написаны язычниками».

Далее раскрывая обязанности книгохранителя, епископ указывает на то, что «он должен знать все сочинения и стихотворцев, и ораторов, и философов, и историков; особенно должен знать Священное писание Ветхого и Нового Завета, и отсюда предлагать сказания об Иисусе Христе, чтобы мало-помалу обратить к Нему языческого императора.

Итак, книгохранитель должен иметь понятие обо всех книгах императора, часто пересматривать их и хранить в порядке».

Сочинения Иустина мученика, Афинагора, Тертуллиана, Климента Александрийского, Оригена и других ясно свидетельствуют о многосторонней образованности христиан по всем родам наук и искусств, процветавших у язычников, — и вместе показывают то высокое уважение, какое имели они к Евангельскому учению пред всей образованностью язычников.

О просвещении всех вообще христиан можно судить из того, что со времен апостольских были училища в Ефесе, в Александрии, где многие из них обучались у Пантена, Климента, Оригена и других. Так что напрасно враги Христова учения считали христиан необразованными и бесполезными для общества людьми.

У язычников, особенно у римлян, были в большом уважении различного рода увеселения, в которых принимал участие не только простой народ, но и самые знаменитые и образованные из них.

Необычайная жестокость, присущая зрелищам сражений мечебойцев и звериным травлям, была совершенно противна духу христианства. Верные своему призванию, первые христиане не позволяли себе участвовать в зрелищах, где совершались кровавые игры, где люди боролись со зверями, где гладиаторы поражали друг друга.

Причиной отвращения христиан было не только то, что такие зрелища соединялись с языческими обрядами и первоначально были устроены в честь богов; но также и крайнее их бесчеловечие, совершенно противное исполненному любви чувству их.

Христианин не мог равнодушно присутствовать там, где человек убивал человека для одного удовольствия зрителей.

Киприан, сообщая другу своему Донату великую радость о том, что он отделился от языческого мира, так выражает общее понятие христиан того времени о зрелищах: «Если обратишь взоры свои к городам, то

найдешь шумное многолюдство, более жалкое, нежели всякая пустыня. Готовятся гладиаторские зрелища, дабы кровью доставить удовольствие прихоти кровожадных глаз...

Убивают человека в удовольствие человеку: убийство вошло в обыкновение, в искусство, в науку: люди не только злодействуют, но и обучают злодействам. Что может быть более бесчеловечно, более жестоко? Учат, как убивать; и убийцы славны тем, что убивают! Что это такое, скажи мне? От чего происходит, что представляют из себя зверей те, которые не созданы быть зверями?

Люди цветущих лет, довольно благообразные, в блестящих одеждах, заживо украшают себя на произвольное погребение, и, несчастные, хвалятся еще своей гибелью! Отцы смотрят на гибель своих детей; брат с сестрой сидят в амфитеатре; сама мать, — что может быть достойнее и сожаления, и отвращения? — сама мать покупает для себя место на зрелище, платит за будущие свои вопли и отчаяние! И зрители столь нечестивых, столь бесчеловечных и ужасных позорищ нимало не помышляют о том, что их кровожадные взоры — главная причина кровопролития и убийства».

Святой Ириней запрещал христианам посещать кровавые зрелища мечебойцев,

как противные Богу и людям. По указанию Тертуллиана, «христианин не должен иметь наслаждения ни в безрассудных скачках, ни в бесчеловечных битвах».

«О ваших зрелищах, — пишет Афинагор язычникам, — мы думаем, что нет большого различия, смотрит ли кто на смертоубийство или сам участвует в нем. Мы совершенно удалены от ваших зрелищ. И как можем мы совершать убийство, когда мы не можем даже смотреть, чтоб не участвовать в таком грехе».

Для тех, кто посещение таких зрелищ захотел бы извинять тем, что в них отдаются на смерть виновные, Тертуллиан писал: «Ты скажешь, может быть, что злодеи должны быть наказываемы. Кто станет об этом спорить, исключая разве самих злодеев? Я согласен на то, но согласитесь же и вы, что доброму человеку нельзя любоваться казнью человека злого: он скорее должен скорбеть о том, что подобный ему человек имел несчастье впасть в преступление, заслуживающее строгого наказания.

Впрочем, можно ли ручаться, что одни только виновные предавались на растерзание зверям и подвергались другим казням? Не случается ли иногда, что и невинные к тому приговариваются или по злобе судьи,

или по небрежению адвоката, или по неправомерности судопроизводства? Гораздо лучше не присутствовать при казни злых и при гибели добрых людей. Нет сомнения, что из числа гладиаторов есть и невинные люди, приносимые в жертву удовольствию публики».

Для христиан первенствующей церкви было совершенно противным участие не только в бесчеловечных забавах, но и во всех зрелищах язычников, например, в мимических играх, комедиях и трагедиях, конских ристалищах; вообще всякое посещение цирка и театра.

При тогдашних неблагопристойных играх в римских театрах, язычники, по обращении в христианство, с большим отвращением смотрели на театр, представлявший в стенах своих столько ужасных пороков, несообразных с чистыми внушениями Христовой веры.

«Обрати взор, — пишет новообращенный Киприан к одному из своих друзей, — на жалкие и опасные для нравов зрелища: ты увидишь то, что произведет в тебе и горечь и стыд. Что занимательного в трагедии? Там возвышенным слогом повествуют о древних деяниях: старинные бредни об убийствах и кровосмещениях, подобно истинным событиям, повторяются в живом действии, дабы

учиненное некогда злодейство оставалось в памяти потомства... Преступления переживают века; всеистребляющее время не может истребить памяти злодейств; порок переходит из рода в род: давно минувшие мерзости обращаются в живые примеры.

Чем забавляются в комедии? Одни приходят любоваться представлением тех пороков, которые им давно известны по собственному опыту; другие хотят видеть, как можно быть порочным; те и другие совершенствуются в распутстве. Смотри на прелюбодеев, невольно учатся прелюбодейству, тем более, что всеобщий разврат дает им право на открытое уважение; и женщина, пришедшая на зрелище, может быть, целомудренной, выходит из него бесстыдной.

Сколько соблазнов в комедиантских телодвижениях! Сколько заразы для нравов! Сколько примеров бесстыдства! Сколько пищи для разврата! Вообще, чего не представляют на зрелищах! Мужчины превращаются в женщин, так что вся честь и крепость пола в изнеженном теле покрывается бесчестием... Что еще? Представляют бесстыдную Венеру, неистового Марса, и Юпитера, их верховного царя вселенной, или лучше — всех пороков... Рассуди сам, может ли тот, кто на все это смотрит, быть человеком

честным и целомудренным? Они подражают своим богам, которым поклоняются: несчастные! они боготворят и самые страсти».

Климент Александрийский так пишет о зрелищах языческих: «Ристалища и театры не без права можно назвать местом язвы: намерение там злое даже и в справедливом; потому достойно проклятия это скопище. Собрания исполнены большого беспорядка и безрассудства, и подают повод к бесстыдству: когда мужчины и женщины сходятся вместе, чтоб смотреть друг на друга, тогда взор разжигается, и глаза привыкают смотреть с бесстыдством, и имея праздное время, изыскивают сладострастное похотение.

Потому запрещаются зрелища и комедии, которые наполнены безумием и соединены с пустыми и срамными словами. Действительно, какого гнусного действия не представляют на зрелищах? Каких бесстыдных слов не произносят те, кто представляют из себя шутов и комедиантов, и тем возбуждают смех? А те, кто получают от этого какое-либо удовольствие, возвращаются в дом с запечатленными там образами».

Считая для себя непозволительным посещение театров, древние христиане смотрели на театры, как на скопище идолослужения и разврата, по причине происхождения

их от языческого поклонения богам, тесной связи их с некоторыми языческими празднествами и осмеяния в них христианской веры.

«Мы, — пишет Тертуллиан, — без труда отказываемся от ваших зрелищ: исполненные презрения ко всему, что в них происходит, мы приходим в ужас от суеверий, которые их порождают. У нас ничего общего нет ни с нелепостями цирка, ни с мерзостями театра, ни с варварством арены, ни с беспутством гимназий». По словам того же апологета: «Все устройство зрелищ основано на идолопоклонстве, которое из них составило как бы жертвоприношение сатане и ангелам его».

Представления в театрах, соединенные с шумом народной толпы, считались у христиан совершенно противными их служению и назначению.

«Бог повелевает нам, — говорит Тертуллиан, — чтить Святого Духа со всяким смирномудрием, кротостью и долготерпением, стараясь сохранить единство духа в союзе мира (Еф. IV, 2, 3); и напротив, строго воспрещает оскорблять того же Духа Святого (Еф. IV, 30). Каким же образом согласить все это со зрелищами, тревожащими, и так сильно возмущающими дух наш?»

«Вероятно ли, чтобы христианин действительно помышлял о Боге в такое время и таком месте, где ничто не напоминает присутствия Его? Вероятно ли, чтобы он сохранял спокойствие души там, где пристрастно держит сторону гладиатора? Легко ли держаться правил целомудрия и стыдливости там, где глаза устремлены на позорные телодвижения комедианта? Можно ли где встретить больше соблазна, как на зрелищах в блестящих и чрезвычайных украшениях и в толпе сидящих в смешении мужчин и женщин?.. При ужасных восклицаниях актера удобно ли внимать спасительным увещаниям пророка? Удобно ли соединять пение псалмов с женоподобными песнями оперы? Смотря на двух атлетов, окровавливающих друг друга кулачными ударами, удобно ли приводить себе на память сделанное нам заповещение воздавать зло за зло»?..

«Нам, — пишет Тертуллиан от лица всех верных, — повелено отречься от всякого рода нечистоты; стало быть, для нас должен быть запрет на театр, — училище бесстыдства, где ничему нельзя научиться, кроме того, что повсеместно не одобряется.

Величайшая прелесть театра состоит, обыкновенно, в представлении всякого рода позоров... Зачем смотреть на то, что нам

запрещено делать... Трудно, чтобы сердце было чисто, когда вход в него поврежден. Театр непременно должен быть возбранен, если нечистота подвержена осуждению». Святой Киприан спрашивал о том, «что должен делать в театре христианин, когда он даже не может мыслить о тех пороках, которые там представляются». А Тертуллиан представляет в примере бесноватых, которые сделались такими на зрелищах: «Одна женщина пошла в комедию, а возвратилась оттуда одержимой бесом. Когда нечистый дух был заклят и спрошен, зачем вошел в нее, то он отвечал: я не напрасно овладел ею, я нашел ее у себя.

Другая женщина видела во сне обезьяну в день, когда ходила слушать одного комедианта, и его имя часто повторялось в ушах ее с ужасными угрозами: через пять дней ее не было уже в живых». Апологет так заключает свою речь: «Мы должны предавать проклятию эти языческие собрания как потому, что в них хулится имя Божие, так и потому, что там люди заботятся о предании нас на разтерзание львам, советуются о предпринятии против нас гонений, избирают лазутчиков для отыскания христиан и для их мучения».

Если среди первых христиан считалось непозволительным посещать зрелища, то

тем более воспрещалось им принимать деятельное участие в них.

При святом Киприане, в Северо-Африканской церкви язычник, став христианином, и перестав быть актером, продолжал обучать детей театральному искусству, доставая себе таким ремеслом пропитание.

Киприан на вопрос Евкратия, может ли оставаться такой человек в общении с церковью, отвечал с сильным упреком: «Я думаю, что несогласно ни с Божественным величием, ни с Евангельским учением, чтобы важность и святость церкви соединялись со столь гнусным и бесчестным занятием. Если и в Ветхом Завете (Втор. XXII, 5) человеку запрещено было переменять одежды пола, и произносилось проклятие на того, кто делает это; то гораздо бесчестнее теперь мужчинам, по бесчинному искусству, представлять женское лицо, делать неприличные телодвижения, творение Божие подделывать искусством дьявольским».

«Если такой человек, — прибавляет Киприан, представляет в извинение крайнюю нужду, то его нужда может быть облегчена вместе с прочими, кого питает церковь, когда только будет доволен он умеренным, приличным содержанием.

Если церковь, при которой жил он, не может питать его; то пусть придет в Карфаген: здесь он может получить, что нужно ему из пищи и одежды, чтобы только не обучал он вредному других, кто находится вне церкви, а лучше сам учился бы в церкви тому, что спасительно».

В Постановлениях апостольских было положено особое правило: «Занимающийся театральным искусством по принятии крещения должен оставить свое ремесло, или, в противном случае, должен быть удален от церкви». То же самое было повторено и на соборе Эльверском, в 305 году.

ДУХОВНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Удаляясь от языческих общественных увеселений, христиане древней церкви жили не без утешений. Вместо плотских, языческих наслаждений у них были наслаждения духовные, чистые, в которых они принимали участие по своей вере в Искупителя. Вот что внушает Тертуллиан каждому правоверному: «Если ты думаешь, что нельзя проводить жизнь без какой-либо приятности, то почему ты столько неблагодарен, что не хочешь ни признавать, ни вкушать различных

удовольствий, которые Бог произвел, и которые достаточны для удовлетворения твоих желаний?

Чего лучше и счастливее, как быть примиренным с Богом Отцом и Иисусом Христом, Сыном Его? Чего прибыльнее, как познать истину, открыть свои заблуждения и получить прощение в содеянных прежде преступлениях? Что приятнее, как удаляться от приятностей, презирать мир сей, наслаждаться истинной свободой, спокойствием доброго к себе доверия, святостью жизни и отсутствием боязни смерти? Какого желать больше удовольствия, как попираť ногами языческих богов, изгонять бесов, пользоваться дарами чудесных врачеваний и небесных откровений, и наконец, жить и быть всегда с Богом? Вот прямые наслаждения христиан, вот безвинные их зрелища, не стоящие им ничего!»

Далее, описывая христианские увеселения, настоящие и, особенно, будущие, Тертуллиан заключает, что таких наслаждений ни глаз не видал, ни ухо не слыхало, и на сердце человеку никогда не приходили они (1 Кор. II,9): «Поверьте, что они бесконечно превосходят все мнимые удовольствия цирка, театра, амфитеатра и всех других позорищ, каких суета изобрела для зрелищ».

УСТРОЙСТВО ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ ХРИСТИАН

Кроме отношений общественных, между христианами и язычниками в древней церкви были отношения и домашние, семейные. Домашняя жизнь первых христиан отличалась от домашней жизни язычников. Последние, занимаясь более делами общественными, где находило пищу их честолюбие и корыстолюбие, мало заботились об устройстве домашней жизни. Женщины находились в большом презрении, и были удалены от общения с миром. Детей воспитывала, особенно у богатых, не сама мать, а одна из служанок. Такой образ домашней жизни у язычников служил поводом к обманам и распутству, разрушал счастье семейства и лишал его чистых домашних удовольствий.

ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ

Христианство изменило и осчастливило домашнюю жизнь. Первые христиане

смотрели на призвание жены с той же высшей точки зрения, с какой и на призвание мужа, как свидетельствуют Климент Римский, Поликарп и Климент Александрийский.

Сердца христиан соединялись браком для большего нравственного усовершенствования, для лучшего выражения общей любви к своему Искупителю, поддерживаясь взаимной любовью ко всему истинному, святому и единомудушным стремлением к достижению главной цели. Иустин мученик, Афинагор и Климент Александрийский ясно свидетельствуют, что христиане имели целью супружества рождение и воспитание детей, достижение взаимными силами земного спокойствия и вечного спасения.

В другом месте Климент Александрийский так изображает христианскую жену: «Мать составляет славу детей, жена — славу мужа... Бог же есть слава всех их вообще».

Тертуллиан подробно описывает счастливое состояние христианского супружества: «Как приятны должны быть узы, соединяющие два сердца в одинаковой надежде, в одинаковой вере, в одинаковом законе! Они, как дети одного отца, рабы одного Господа: нет между ними никакого

раздора или раскола ни в душе, ни в теле. Они два в единой плоти: где плоть едина, там и душа едина. Они вместе молятся, вместе припадают на колени, вместе постятся; взаимно ободряют и руководят друг другом. Они равны в церкви и в общении с Богом, равно делят бедность и обилие, ничего один от другого скрытного не имеют, не в тягость друг другу; каждый из них может свободно посещать больных и помогать нищим. Нет им стеснения творить милостыню, нет опасности присутствовать при совершении Святых Таин, нет препятствий к исполнению ежедневных обязанностей, нет нужды втайне креститься и произносить втихомолку молитвы. Они вместе поют псалмы и гимны, стараясь друг друга превзойти в хвалениях Бога своего».

Как на образец счастливого супружества, христиане смотрели на брак апостола Петра, который жил со своей женой до самой смерти в союзе, любви и верности. Поскольку там, где истинная вера не соединяет сердец между собой, происходит во всем несогласие и разделение, то первые христиане были весьма осторожны в избрании лиц, с которыми заключали брак не для одной временной жизни, но и для вечности.

О ЗАПРЕТЕ НА БРАК С ЯЗЫЧНИКАМИ

Христианин не позволял себе входить в брачный союз с язычницей, и христианка не выходила за язычника; так как здесь не могло быть надлежащего единодушия, и цель христианского супружества не достигалась. Такой брачный союз для христиан навсегда был запрещен. Это не раз было предписано апостолом Павлом (1 Кор. VI, 15; VII, 39; 2 Кор. VI, 14).

Святой Киприан примерами ветхозаветных мужей и словами апостола Павла к Коринфянам тоже утверждал, что не должно быть брачного союза у христиан с язычниками: «Заключать христианам с неверными союз супружеский то же значит, что члены Христовы отдавать на поругание язычникам».

Тертуллиан представлял брак христиан с язычниками, как дело запрещенное и противное Священному Писанию: «Мы потому не заключаем брака с язычниками, чтобы они не довели нас до идолопоклонства, с которого у них и брак начинается». Запрещение строго предписано было и на соборе Эльверском.

Описывая непозволительность брака для христиан с язычниками, Тертуллиан указывал и на невыгоды, происходящие от

такого брака для христианской веры*: «Христиане, женящиеся на женах-идолопоклонницах, не могут не обвиняться в блуде и, как любодейцы, должны быть исключены от общения с верующими по слову апостола, чтобы с таким даже и не есть вместе (1 Кор. V, 11).

Осмелимся ли мы представить на суд Господу подобные брачные договоры? Назовем ли законным брак, Им Самим запрещенный?... Кто может сомневаться, чтоб ежедневное общение с неверующими не уменьшало постепенно в нас веры? Если злые беседы развращают добрые нравы (1 Кор. XV, 33); то чего не сделает искреннее обхождение с неверующими? Всякая христианка должна стараться нравиться Богу. Как же ей работать двум господам, Богу и мужу своему, особенно, когда он язычник?

Стараясь нравиться идолопоклоннику, она должна придерживаться обычаев язычников; должна заботиться о своей красоте, о своем уборе; предаваться постыдным ласкам, оскверняющим брачное ложе. Как мало подобный муж совместим с вашими религиозными

* Приведенная далее цитата взята из «Послания к жене» Тертуллиана. Всю вторую книгу «Послания» Тертуллиан писал с тем, чтобы его жена по смерти его, не вступала в брак с язычником; а потому и указывал на многие невыгоды в этом случае.

обязанностями! В состоянии ли жена исполнять их, когда будет иметь близ себя слугу дьявола, который за долг себе поставит мешать этим обязанностям? Ей нужно явиться на стояние — муж назначит в это время свидание в бане. Придет день поста — муж именно в этот день пригласит друзей на пиршество. А случится крестный ход в церкви?

Никогда столько забот и занятий не было в идолопоклонстве. Какой идолопоклонник дозволит жене беспрепятственно посещать братьев, обходить деревни, навещать бедных в хижинах? Какой муж захочет расстаться с женой ночью, чтоб она пришла молиться с нами во время ночных бдений? Стерпит ли, чтобы она проводила всю ночь в церкви в праздник Воскресения Христова, и чтоб являлась приобщаться Святых Таин, которыми он пренебрегает и гнушается?

Будет ли он смотреть равнодушно, что она ходит в темницы целовать оковы мучеников? И что скажет, когда узнает, что жена его должна давать братьям лобзание мира, должна подносить воду для омытия ног верующим, разделять с ними хлеб и вино во время вечери, проводить время в созерцании и молитве? Если придет путешественник из христиан, то какое гостеприимство будет он иметь в доме язычника? Когда надо будет

дать бедному хлеба, то не найдет ли жена неверующего житницу свою запертой?..

Можешь ли ты укрыться, когда крестишь постель или тело свое, или же когда плюешь на нечистые вещи? Если ты встанешь ночью, чтобы помолиться, не будет ли муж подозревать тебя в магии?.. Осмелится ли жена произнести имя Бога, воззвать к Иисусу Христу? Куда денется пища духовная, укрепляющая веру тех супругов, досути которых посвящаются благочестивому чтению? Подобные разномыслящие супруги станут ли благословлять друг друга во имя Божие? Нет! Для женщины в таком положении все бывает чуждо, враждебно, все подвергает ее осуждению, все стремиться удалить ее от пути спасения».

Вот потому и остерегались христиане вступать в брачный союз с язычниками! Во времена гонений было немало примеров, где такая осторожность выражалась в полной силе. Так, например, девица Фекла в Икони была обручена с юношей знаменитого происхождения. В то время, как апостол Павел учил в Икони (Деян. XIV, 1-28), она внимала слову Божию, и стала христианкой. Она отказалась быть невестой язычника и осталась в девстве. Несмотря на все убеждения и угрозы со стороны родителей, Фекла

оставалась непреклонной, превозмогла все гонения, никак не согласилась заменить земной радостью радость небесную, которую ощущала в своем сердце, и была верной до самой мученической смерти.*

Когда язычники насильно отдавали христианку в жены кому-либо из своих идолопоклонников, — целомудрие христианских дев не позволяло вступать в незаконные супружеские связи.

Девушка Евфрасия, жившая при императоре Максимиане, за твердое исповедание своей веры была отдана дерзкому и развратному воину в незаконное супружество. Язычник воин увел ее в дом. Евфрасия, заботясь о своем целомудрии, прибегнув к хитрости, сказала незаконному жениху своему, что у нее есть волшебная трава, которая будет сохранять его невредимым против копий и стрел. Идолопоклонник радовался столь полезному для него открытию, и сделал опыт над Евфрасией по собственному ее приказанию. И святая мученица,

* Иероним описывает, как во времена гонения императора Декия благочестивый христианин показал свое удивительное целомудрие перед соблазнявшей его развратной язычницей. Он вынужден был отгрызть свой язык и выплюнуть его в лицо соблазнительницы, но остался целомудренным.

лишившись жизни, достигла своей цели, — целомудренной девой отошла к небесному Жениху.*

ХРИСТИАНЕ И ЯЗЫЧНИКИ В ОДНОЙ СЕМЬЕ

Что до поведения христиан, живших с язычниками в одном семействе; то, при переходе мужа или жены в христианство, не позволялось христианам разводиться, а нужно было освящать брачный союз своим поведением в пользу христианской веры.

Еще апостолом Павлом предписано было по повелению Господа, чтобы женившимся никогда не разлучаться (1 Кор. VII, 10; Мк. X, 1). И первые христиане, по свидетельству Тертуллиана, строго держались этого правила. Но в таком случае муж жену или жена мужа своими молитвами и прошениями всячески старались обращать и действительно обращали к истинной вере.

* Известен и другой пример, когда девственница Христова победила своим мужеством двух волхвов, хотевших лишить ее целомудрия. После многих тщетных усилий волхвы вынуждены были признать бессилие всякого человеческого искусства. Даже злые духи отказали им в помощи. И волхвы уверовали во Всемогущего Христа, подкреплявшего целомудренную деву.

Благочестивая мать Григория Назианзина, Нонна, своим старанием обратила к вере христианской мужа Григория, бывшего язычником. В таких случаях само Провидение искушало брачных христиан и Провидение же, когда они спокойно продолжали идти указанным от Него путем, сохраняло и избавляло их от искушений с пользой для христианской веры.

Тертуллиан, указав на непозволительность брака христиан с язычниками и на происходящие от того невыгоды, продолжает: «Подобные несчастья могут случиться и с теми, которые находятся уже в замужестве, когда благодать Божия благоволит их привлечь к себе; но тогда они освящаются повелением Божиим не разлучаться с мужьями в надежде обратить их к вере.

Если же Бог одобряет продолжение подобного союза, то не должны ли мы уповать, что в этом случае Сам Он не преминет покровительствовать жене, Ему повинующейся, и изымет ее из многих опасностей и гонений, происходящих почти неизбежно от столь скользкого положения?

Жена, удостоившаяся добродетелями своими приобрести благодать Божию, вероятно, внушит мужу — идолопоклоннику столько уважения к себе, что не будет бояться найти

в нем ни тирана, ни предателя. Он станет удивляться добрым ее делам, зная их по благородным ее поступкам. Он увидит, что она во многих отношениях достойнее его, и усиливающееся почтение к ней, может быть, сделает его новообращенным».

Впрочем, наблюдение такой перемены не всегда производило доброе действие на язычников. Случалось, если муж, сильно преданный язычеству, замечал, что жена его стала бережливее по дому и благонравнее, и что это произвело в ней христианство; то удалял ее от себя.

Случалось также, что христианка, жившая в замужестве с порочным язычником, и прежде в язычестве преданная подобным порокам, воздерживалась от них голосом своей совести, и вместе старалась своими благоразумными убеждениями исправить мужа и обратить его на путь истины. Но когда муж неохотно принимал ее советы, и еще более предавался гнусным порокам, она была вынуждена отказываться от общения с ним и совсем удалялась от него. И это было поводом к гонениям со стороны раздраженных мужей.

Святой Иустин мученик рассказывает случившееся в Риме: «У одной женщины, прежде распутной, был распутный муж. Когда она познала учение Христово, то и сама

стала целомудренной, и мужа старалась убедить стать, подобно ей, целомудренным, объясняя ему учение, и внушая, что живущие не целомудренно и несогласно со здравым разумом, будут мучиться в вечном огне. Но муж, продолжая те же распутства, своими поступками заставлял жену удалиться от него.

Почитая нечестием долее разделять ложе с таким мужем, который против закона природы и справедливости, на всех путях изыскивал средства к удовлетворению похоти, она решилась развестись с ним, но принудила себя остаться, уважив советы родных, которые убеждали ее потерпеть, — в надежде, что муж когда-нибудь переменится. Когда же до нее дошло известие, что муж, отправившись в Александрию, вдался там в дела еще худшие, тогда она, дабы оставаясь в супружестве и разделяя с ним жилище и ложе, не сделаться участницей его непотребств и нечестия, удалилась от него. После этого муж, не имея возможности преследовать жену, убедил одного сотника мучить наставника жены в христианском учении в узах и темнице».

Редко случалось, чтобы христианские родители, постоянно воспитывая детей в страхе Божиим, взращивали их язычниками. Но когда это встречалось, в случае брачного союза язычника и христианки; мать всячески

старалась внушать правила истинной веры своим детям, остававшимся в язычестве, с осторожностью, впрочем, от мужа.

В царствование Декия, язычник и христианка имели сына Никона, выросшего в язычестве и с успехом служившего в воинском звании. Когда отец Никона — язычник умер, то сердобольная мать-христианка, страшась смерти любимого сына, еще более страшилась, что сын ее умрет в идолопоклонстве. Ибо воспитанный по правилам отца, в младенчестве он не имел позволения, а в юности — времени быть учеником христолюбивой матери.

Нежная мать всячески старалась обратить сына на путь истины и, после многих и частых бесполезных попыток, наконец, сказала ему: «Не могу внушить тебе любви к жизни вечной; но по крайней мере, любезный сын, пощади для меня жизнь временную и, если на брани случится тебе быть в опасности, оградись крестным знамением, тогда увидишь, Кто есть Бог истинный, Которому надлежит поклоняться».

Предсказания матери исполнились. Ее старание увенчалось успехом. Сын на войне, с Божией помощью, остался победителем многочисленных врагов, принял христианскую веру и навсегда остался ревностным ее исповедником.

Но весьма часто случалось, что дети принимали христианскую веру, тогда как родители их оставались в язычестве. В таком случае дети не уходили из дома и оказывали любовь и повиновение родителям, пока исповедуемая ими вера не находила больших препятствий и опасности. Но когда языческое семейство, в котором жили христиане, как члены его, служило для них большим препятствием к исповеданию Христовой веры; они оставляли дом родителей и уходили без всякого земного наследия, с одним вечным наследием, предпочитая свою веру всему любезному и приятному на земле.

Святой мученик Апиан, в царствование Максимиана, окончив поприще наук в городе Берите и получив просвещение в христианской вере, возвратился на родину в Ликийю. Но нашел родственников своих несходными с ним по нравам и даже опасными для его веры, и решился удалиться от их общества. Тайно убежав из родительского дома, не заботясь даже о пище на один день, и ничего не взяв с собой, с надеждой на единого Бога, он удалился в другой город, где и получил славный венец мученичества. Когда родители убеждали обращенных в христианскую веру детей оставить ее и обещали вместо мучений лучшую участь, — дети

держались слов Спасителя, что кто любит отца и мать, или сына и дочь более Его, тот уже не ученик Его (Мф. X, 37), и потому спокойно расставались с родителями, братьями и сестрами и с радостью подвергались всем мучениям.

О святом юноше Кирилле, жившем при императоре Декие в Кесарии Каппадокийской, известно, что он отцом-язычником изгнан был из дома и лишен всякого наследства, но не согласился изменить исповедуемой им Христовой веры, чтобы получить прежнее благоволение отца.

Удивительный пример представляет собой мученица Перпетуа, жившая в царствование Септимия Севера. У нее были отец, мать, два брата и сын-младенец, питавшийся еще грудью. Как много, при открывшемся гонении, нужно было бороться в ней чувству естественной любви с чувством любви благодатной! Не раз отец ее указывал на свои седины, чтобы она пощадила их, братьев, и особенно, сына-младенца, чтобы она сжалась над ним. Но, подкрепляемая силой Божественной, Перпетуа принесла все любезное и приятное на земле в жертву единому Иисусу Христу, в Котором находила все свое утешение и радость до самой мученической смерти.

Что до дружеских отношений христиан с язычниками, то они не прекращались со стороны христиан, а только освящались высоким их поведением, и продолжались не для земных только наслаждений, но и для достижения главной высшей цели. Ходить к язычникам в день облачения в тогу, на обручение и сам брак, в день рождения и на другие домашние празднества, по свидетельству Тертуллиана, христианам не воспрещалось. Только когда случалось христианину беседовать с язычниками, он должен был стараться показывать и здесь свое воздержание и умеренность, чтобы дать пример язычникам, и не должен был принимать участия в идолопоклонстве ни делом, ни словом, а быть только зрителем.

Христиане и язычники дружили, но дружба была совершенно отлична от дружбы между одними язычниками. Христианин другу-язычнику старался предлагать правила своей веры и обращать его к ней.

Знаем, например, из жизнеописания святого Киприана, сколь искренне и тесно дружил с ним, еще язычником, пресвитер Цецилий, с каким большим расположением сообщал ему правила Христовой веры и сколь

ревностным наставником его был в первоначальных ее истинах.

В царствование Декия дружили два римлянина: Неарх — христианин и Полиевктыязычник. Неарх, часто со слезами, уговаривал Полиевкта присоединиться к церкви Христовой, читал ему Божественное Писание, объяснял таинства веры, показывал гнусность идолопоклонства. Полиевкт ни в чем не отказывал своему другу, но, по-видимому, был равнодушным слушателем его советов. Впрочем, старание Неарха, при содействии Благодати, вскоре увенчалось успехом. При открывшемся гонении Декия, Неарх своей усиленной просьбой и глубоким сокрушением о своем друге успел расположить его к принятию Христовой веры, так что он крестился кровью своей и был ему предшественником в вечную жизнь.

ТРАПЕЗА

Несмотря на столь близкое общение с язычниками, первые христиане не позволяли себе употреблять запрещенную пищу, которую ели язычники. Они воздерживались от идоложертвенного мяса и вина, особенно же — от крови животных, и от пищи,

посвященной на служение идолам; они осуждали еретиков, не воздерживавшихся от нее.

Известно о мученике Люцинии, который в темнице согласился умереть с голода, но не есть идоложертвенное, доставляемое ему язычниками. И в пище позволительной, и в беседах с язычниками, христиане сохраняли умеренность и воздержание, как необходимые свойства своей домашней жизни.

«Они, — по свидетельству Иустина мученика, — не осмеливались злоупотреблять тем, что Бог сотворил, и жаждой извинять пьянство. Главной своей обязанностью считали не лакомиться. Пищи принимали немного.

По свидетельству Тертуллиана, «они ели столько, сколько нужно для утоления голода, пили, как пристойно людям, строго соблюдающим воздержание и трезвость, насыщались так, что той же ночью могли возносить молитвы Богу».

РАБЫ И ГОСПОДА

Как смотрели древние христиане на состояние рабов и господ в отношениях с язычниками? Римская империя, гордившаяся свободой, всего менее давала свободы невольникам,

рабам, которые по ее законам не были почти людьми и которыми господа распоряжались, как хотели.

Христианство изменило отношения между рабами и господами. Оно учит признавать для всех равные права перед Богом, видеть одно и то же назначение, представляет Бога Отцом, Иисуса Христа всеобщим Искупителем, а всех рабов и свободных — детьми Небесного Отца, Творца и Промыслителя. Рабство, по признанию христиан, заключается не в чистом состоянии природы человеческой: оно есть плод поврежденной, греховной природы; люди созданы свободными и вначале не было рабов.

О состоянии рабства у язычников так говорит святой Киприан одному из языческих начальников: «Ты от раба требуешь служения, и будучи человеком, заставляешь беспрекословно повиноваться себе человека же. Вы имеете с ним одну участь рождения и смерти, одинаковый состав телесный, общую природу души, и с равным правом, по одному и тому же закону, входите в мир и выходите из него, — но ты, властолюбивый и строгий требователь повиновения, поражаешь раба бичами и плетью, изнуряешь голодом, жаждой, наготой, а часто мучишь в узах и в темнице, если он не служит тво-

им прихотям, не повинуются твоей воле. И считая себя господином над человеком, не признаешь, несчастный, своим Господом Бога своего».

«В христианстве и господа, подобно рабам, признавали себя рабами грехов, и свое освобождение от рабства греха почитали за истинную, высшую свободу, вместе и за дар освобождающей Божественной благодати» (1 Кор. VII, 21), — как свидетельствует Климент Александрийский.

Рабы и господа из христиан, по свидетельству Лактанция и Амвросия Медиоланского, тесно соединены были между собой, имея в виду вечное спасение, равно уготованное для тех и других: они были братья во Христе, члены одного тела — церкви, наследники одних и тех же благ.

Нередко случалось, по свидетельству Тертуллиана, Златоуста и Иеронима, что рабы были наставниками своих господ в вере и добродетели; и тогда, очевидно, господа не смотрели на рабов своих так низко, как в язычестве, но как на друзей и возлюбленных братьев, молились с ними вместе и пели псалмы, сажали их близ себя за вечерей любви, принимали вместе с ними единое Тело и Кровь Христовы, и постоянно стремились к достижению

единой общей цели — вечного спасения*.

Таким образом, действием христианства, отношения между господами и рабами в язычестве совсем изменились. Впрочем, перемена, которую произвело христианство, была только внутренней; а внешние отношения господ и рабов оставались теми же, что прежде.

Христианство дало рабам истинную, внутреннюю свободу, без которой внешняя свобода весьма малозначительна и которая никаким земным игом стеснена быть не может, как указывал Климент Александрийский.

Апостол Павел пишет, что кто призван рабом в Господе, тот есть свободный Господа (1 Кор. VII, 22).

Тертуллиан, показывая, как возвышена истинная небесная свобода над земной, говорит христианину: “В мире увенчаны те, кто получают свободу. Но ты освобожден уже Христом, и искуплен даром. Как может даровать мир свободу тому, кто раб другого? Что кажется свободой в мире, то есть вместе и рабство... Ты и тогда, как искуплен Христом, был уже свободным по отношению к человеку; и теперь ты раб Христа, хотя освобожден

* Христиане ревностно заботились о спасении языческих рабов, выкупая многих из них, и крестя. Таким образом, они даровали им и внутреннюю свободу.

от человека. Если ты свободу, какую может даровать тебе мир, считаешь за истинную свободу, то ты опять через это — раб людей и лишился свободы, дарованной Христом, считая ее за рабство».

Святой Игнатий Богоносец писал Римской церкви: «Они (апостолы Петр и Павел) — свободные, а я раб; когда же пострадаю, тогда получу от Иисуса Христа освобождение, и восстану с Ним свободным».

Царский раб Евелпист, приведенный на суд язычников вместе со святым Иустином и другими, говорил префекту Рустику: «Я хотя раб кесаря, но и христианин, получивший свободу от Иисуса Христа, и разделяю надежду вместе с другими по благодати и милости Его». Отсюда видно, что раб в среде христиан находился в состоянии свободы, служа для Бога своему господину с свободным духом и искренним сердцем. В духе он признавал своим Господом единого Бога, Который поставил его в рабское состояние, в то же время он от чистого сердца искал благ своего земного господина, и согласно с наставлением апостола (Еф. VI, 5-8; Кол. III, 22, 25; Тит. II, 9, 10), оставался ему верным, послушным во всем, что непротивно закону Божию, ожидая лучшей свободы от единого Господа.

Но послушание язычнику — господину — прекращалось, как скоро его требования были противны закону Божию и благочестию христиан. Так, раба Понтамина, служившая верно своему господину, не согласилась на нечистое и срамное требование его, и захотела умереть от руки господина своего, но не угождать плотским его наслаждениям.

Напротив, когда рабство христиан у язычников не противно было высокому их призванию и назначению; они повиновались господам с радостью и искренним расположением, держась слов апостола: «Рабом ли ты призван, не смущайся: но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся» (1 Кор. VII, 21).

Пример того, что многие христиане были рабами язычников и за верное служение им получали даже свободу, находим у Евсевия.

Христиане повиновались своим господам-язычникам в духе кротости, смирения и самоотвержения; и стараясь об их внешнем благе, старались и о вечном их спасении.

Святой Игнатий Богоносец так пишет к Поликарпу, епископу Смирнскому: «Не будь высокомерен перед рабами и рабынями, и они не должны превозноситься, но из повиновения к Богу должны служить тем охотнее, чтобы от Бога получить им высшую свободу.

Если они не могут достигнуть того, чтобы на средства христианских обществ получить свободу; то как рабы, они не должны искать собственной выгоды».

Тациан писал о себе: «Если я раб, — спокойно сношу рабство; если я свободен, — не превозношусь благородством». Христиане не только были искренними и верными рабами язычников, но также кроткими и снисходительными к язычникам, своим рабам.

Вот пример верности рабов христианских к господам-язычникам, несмотря на все препятствия для первых. Благочестивые супруги — Еспер и Зоа с детьми Кириаком и Феодулом были верными рабами язычника, римлянина Катала; и не взирая на то, что господин их и весь дом поклонялись идолам, они жили по заповедям Иисуса Христа: были трудолюбивы, с усердием исполняли все, что возлагали на них, и своим послушанием отличались пред всеми домо-чадцами. А когда дети, основываясь на словах апостола Павла: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными» (2 Кор. VI, 14), хотели удалиться от господина для свободного служения единому Господу; тогда благочестивая мать, указывая на другие слова того же апостола о повиновении слуг господам (Еф. VI, 5, 8), остановила их намерение и принудила остаться верными в прежнем служении.

Внешнее украшение тела, бывшее в чрезмерном употреблении у язычников, считалось для христиан запрещенным, а позволялось им одевание самое простое, которое служило бы не для украшения, а для сохранения здоровья. Об этом учителя церкви первых веков оставили много свидетельств, писали даже отдельные сочинения.

Тертуллиан считал запрещенным для христиан всякое украшение тела не только в мужчинах, но и в женщинах. Женщинам позволялось украшение только в том случае, когда того требовало их богатство, высокое происхождение и достоинство, но и в этом случае позволялось украшение самое умеренное; и напротив, для всех считалась необходимой простота и чистота в одежде, а носить венки на головах считалось противозаконным, относящимся к идолопоклонству и вовсе неприличным для христианина.

Женщины, по его же наставлению, должны более оплакивать бесчестие и вину первого греха, перешедшего к ним через Еву, нежели пользоваться пышной и великолепной одеждой; стараться о чистоте, приличной храму Божию, которым должны быть христиане, должны помнить, что украшения телесные

противны воле Божией, и потому оскорбляют самого Бога.

Киприан указывает, что украшение противно чистоте и воздержанию христианских женщин, и потому прилично только бесчестным женщинам, что Богу внешним, ложным украшением причиняется оскорбление, и обезображивается человек как создание Божие.

У Климента Александрийского еще больше свидетельств о том, что всякая одежда у христиан должна служить для прикрытия телесной наготы, и одежда мужчин должна отличаться от одежды женщин, а украшения и блеска в одеждах не должно быть, равно как в обуви.

Он требовал от христиан и во всем прочем одной простоты, а потому считал запрещенными все искусства женщин украшать тело: мазать и изменять волосы, подкрашивать щеки, брови и волосы, убирать себя золотом и драгоценными камнями, употреблять различные благовонные мази и носить на голове венки, сплетенные из цветов. А мужчинам, для сохранения величественного вида, запрещалось сбривать бороду, стричь волосы и подражать всякому языческому наряду.

Климент Александрийский не возбранял христианам иметь приличное украшение тела

и наблюдать за его чистотой, украшение без всякой роскоши, попечение о приличии, скромности, благообразии. И в Постановлениях апостольских положено было, что мужчина должен воздерживаться от всякого изысканного украшения и изысканной одежды, чтобы не пленять женщин, самому не впасть в грех и им не подать повода ко греху, что нельзя мазать и украшать волосы на голове. Но при господствовавшем обычае язычников украшать себя всеми возможными средствами, некоторые из христианских жен, привыкнув в язычестве к нарядам, хотели удержать за собой это обыкновение и предлагали извинения: но с самых времен апостольских (1 Пет. III, 3, 4; 1 Тим. II, 9, 10) были обличаемы и наставляемы.

Большая часть христианок в простоте одежды подражала уничижению и рабству Иисуса Христа, но некоторые из них говорили: «Довольно и того, если мы так чувствуем, как должны чувствовать христианки; Бог смотрит на внутреннее, а не на внешнее. Для чего же нам представлять напоказ происшедшую с нами внутри перемену? Мы не должны давать язычникам повода поносить христианское имя, обличать христианство в том, что оно не согласно с обычаями мира».

Тертуллиан отвечал так: «Скажите, зачем вам являться в великолепном наряде,

когда вы разлучены с другими женщинами, имеющими надобность в нем по побуждениям, которые вас не касаются? Вы не посещаете языческих храмов, не присутствуете на их зрелищах, не бываете на празднествах богов... Но у вас, верные служительницы Господни, иные спасительные побуждения выходить из дому: вы должны или посещать больных, или присутствовать при Богослужении, или приходить слушать слово Божие. Все это упражнения благочестивые, скромные. И не нужны для них ни чрезвычайные, ни великолепные с длинными хвостами одежды.

Если благопристойность, дружба или обязанность заставят вас посетить языческих дам, то почему не явиться к ним с простотой, тем более, что вы хотите следовать по пути веры? Этим покажете вы существенное различие между служительницами истинного Бога и служительницами дьявола. Вы будете им назидательным примером: «Прославляйте Бога, — говорит апостол, — и в телах ваших» (1 Кор. VI, 20). Если же Бог прославляется сохранением чистоты, то Он прославляется и пристойной одеждой и приличным поведением».

Тертуллиан отвечал христианкам и на другие их опасения. «Мы боимся, — говорят они, — чтоб имя Божие не подверглось хуле,

когда мы откажемся от прежних уборов». Он писал: «Руководствуясь этим правилом мы, стало быть, не должны отказываться и от прежних пороков: должны сохранить те же нравы, потому что хотим сохранить ту же наружность; и тогда-то, вероятно, народы не станут хулить имени Божьего. Подлинно великая хула, когда кто скажет о ком-либо из вас: эта женщина стала скромнее, сделавшись христианкой!

Как! Неужели вы боитесь прослыть беднее, сделавшись богаче, или показаться проще, став почтеннее? Христианин должен следовать правилам языческим, или правилам Божиим? Нам должно опасаться, чтобы не подать справедливейшего предлога к хуле. Действительно, может ли что быть соблазнительнее, как видеть христианских жен, которые, нося звание священных хранительниц чистоты, являются публично разодетыми и разрумяненными, подобно блудницам?»

Против тех, кто хотел довольствоваться одним внутренним целомудрием, Тертуллиан замечает, что долг христиан — удаляться всякой соблазнительной наружности, выражать свою веру во всей внешней жизни, а через то склонять к вере и других людей. «Вспомним, — пишет он, — что говорит апостол: «Кротость ваша да будет известна всем

человекам» (Флп. IV, 5). Не для того ли, чтобы злоба не могла найти ничего противного в нашем поведении, и чтобы добрый наш пример служил злым людям укоризной?..

Потому для христианина не довольно быть целомудренным; надо таким и казаться. Чистота так должна быть изобильна, чтобы из сердца изливалась на платье, и из внутренности орошала всю особу».

Святой Киприан говорил: «Воздержание и целомудрие состоит не в одной непорочности плоти, но и в скромности одежды и в целомудрии украшений, чтобы, по словам апостола, незамужняя была свята и телом и духом».

Подобное писал и Климент Александрийский: «Наше внешнее одеяние — признак нашего поведения в духе и жизни; истинная простота в одежде нужна, если мы удаляемся всего излишнего и мирского».

Некоторые христианские жены в украшении тела извиняли себя своим богатством. Климент Александрийский отвечает на это: «Хотя и все даровано вам, и все предоставлено, и все позволено, как учил апостол, но не все полезно. И сам Бог сотворил наш род для общения, все сотворил для всех, следовательно все общее: и богатые не должны выставлять исключительного права на владение

чем-либо. Итак, это извинение несогласно ни с человеческим, ни с общественным побуждением. Любовь большей частью должна здесь говорить: я люблю это, почему же не должна я раздавать то нуждающимся».

«Есть, — писал и святой Киприан, — жены богатые и преизобилующие стяжаниями, которые весьма заняты своим богатством, и утверждают, что им должно пользоваться своими благами. Пусть они знают, что богатая из них та, которая богата в Боге и во Христе; что истинные блага — блага духовные, Божественные, небесные, которые ведут нас к Богу, и у Бога составляют вечное наше богатство».

«Ты, — обращается тот же пастырь церкви к богатой христианке, — называешь себя богатой, и думаешь, что должно пользоваться тем, чем Бог благословил тебя. Пользуйся, но для спасительных и добрых дел, — для того, что заповедал Бог и показал Господь. Пусть почувствуют бедные и неимущие, что ты богата. Давай в заем Богу из твоего стяжания, питай Христа... Сокрой свои сокровища в такое место, где вор не подкапывается, куда не проникает никакой злобный хищник».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение скажем, что если первые христиане с искренней любовью повиновались языческим правителям и благодетельствовали всем язычникам, своим жестоким врагам и гонителям, то не с большей ли искренностью мы должны повиноваться правительству, пекущемуся о нашем благоденствии, любить и благотворить всех наших ближних, особенно единовверных наших братьев?

Если древние христиане вполне соблюдали твердую, живую веру и чистоту нравов среди всех обольщений, соблазнов, скорбей и бедствий, встречающихся на каждом шагу, то не с большей ли ревностью мы должны сохранять в себе живую веру и чистоту нравов, — мы, спокойно живя в нашем Православном отечестве?

Поведение древних христиан в отношении к язычникам да будет навсегда живым, убедительным примером для нашего обличения, назидания и исправления, чтобы мы, взирая на кончину их жизни, подражали их вере (Евр. XIII, 7).

ПЕРЕЧЕНЬ ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХ ОЦОВ ЦЕРКВИ

АВГУСТИН

О постоянстве

О граде Божием

Толкование на псалмы (34, 36, 57 и другие)

Речь о слове Господнем

АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ

О должностях

О призвании язычников

АФИНАГОР

Послание в защиту христиан

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

Письмо каноническое

ГРИГОРИЙ НИССКИЙ

О жизни Григория Чудотворца

ДИОКЛИТИАН ЛАКТАНЦИЙ

О смерти гонителей

ЕВСЕВИЙ

Церковная история

ЕРМ

Пастырь

ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

Послание к церкви Смирнской

Послание к римлянам
Послание к ефесянам
Послание к Поликарпу

ИЕРОНИМ

Письма (3, 5, 35 и другие)
Письмо к Фурии
Письмо к Лете

ИЛАРИЙ

Толкование на псалом 137

ИОАНН ЗЛАТОУСТ

Толкование на Евангелие от Матфея
Толкование на псалом 50
Речь 4 на Бытие
Беседа о святом Вавиле
Речь на Лазаря
Беседа 40 на все Послания к коринфянам
Беседа 22 на Послание к ефесянам
Слово против посещавших театры

ИРИНЕЙ

Против ересей

ИУСТИН

Апология I
Апология II
Послание к Диогнету
Разговор с Трифоном

КАССИОДОР

Книга о дружестве

КИПРИАН

Письмо к Донату
Письмо к Димитриану
Письмо к Карфагенскому клиру
Письмо к некоторым пресвитерам и диаконам

Письмо к римским пресвитерам
Письмо к Евкратию
Письма (7, 10, 11, 78, 81, 82 и другие)
О благочестии и одежде девственников
О смертности
О милостыне
Книга о падших

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Воспоминания
Наставления
Убеждения к язычникам
Строматы

МАКАРИЙ ЕГИПЕТСКИЙ

Беседы (8, 18, 37 и другие)

МИНУЦИЙ ФЕЛИКС

Октавиан

НИКИФОР

Церковная история

ОРИГЕН

Против Цельса
Толкование на Послание к римлянам
Увещание к мученичеству
Гомилии на книгу пророка Иеремии
Гомилии на книгу Бытия
О молитве

ПОНТИЙ ДИАКОН

Жизнеописание святого Киприана

ПОЛИКАРП

Послание к антиохийцам

РУФФИН

Церковная история

ТАЦИАН

Послание к эллинам

ТЕРТУЛЛИАН

Апологетик

К Скапуле

К нациям

К мученикам

Об идолопоклонстве

Письмо 3-е к Корнелию

Послание к жене

О скромности

О свидетельстве души

О молитве

О женских украшениях

О покрове девственниц

О терпении

О бегстве во время гонений

О венце воина

О крещении

Против Гермогена

ФЕОДОРИТ

Церковная история

ФЕОФИЛ АНТИОХИЙСКИЙ

Письмо к Автолику

ДРУГАЯ ЛИТЕРАТУРА

Акты мученичества Руинарта

Барония под 316 год

Деяния Феодота Анкирского

Жизнь Константина Великого

Постановления Апостолов

Римские акты мученичества

Христианские чтения (1822-1825гг., 1830г.)

**Книга сия издана по милости Божией
Международным Православным фондом «Благовест»**

**Просим молитв читателей
о здравии и благополучии участвовавших в сем труде
рабов Божиих: Геннадия, Александра, Анны, Валентины
и иже с ними**

Ответственный редактор Г. Щербина

Редактор А. Черных

Художник А. Трелис

Компьютерный дизайн Е. Гладченко

Компьютерная верстка Е. Шпицглюз

Издательство Православного Фонда «Благовест»

Лицензия ЛР №090157 от 01.08.96

Формат 84 x108/32. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Усл. п. л. 7,98. Заказ № 39.

Отпечатано в АО «Югмобельинформ»

344037. Ростов-на-Дону, Ереванская, 36

ОШТОВАН КНИГОТРОГОВА

Православная литература издательства «БЛАГОВЕСТ» и всех основных крупных издательств широко представлена на московском подворье Троице-Сергиевой Лавры.

Цены у нас не выше издательских, а в продаже постоянно находится не менее трехсот наименований самых популярных книг.

По заявке покупателя мы обеспечим доставку заказа в пределах Москвы БЕСПЛАТНО.

129090 Москва, 2-й Троицкий пер., 8/10,
оптовый склад «Православная Книга».
Телефон в Москве: 281-20-09.

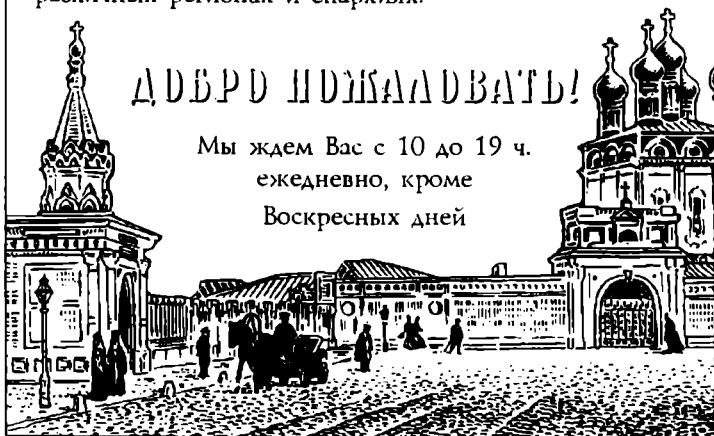
ДАВАЙТЕ ОБЪЕДИНИМ УСИЛИЯ В ДОБРЫХ ДЕЛАХ!

Мы примем участие в совместных издательских проектах и поможем распространить тиражи.

Приглашаем к сотрудничеству всех, заинтересованных в этом. Также мы приглашаем представителей и агентов по продаже книг в различных регионах и епархиях.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Мы ждем Вас с 10 до 19 ч.
ежедневно, кроме
Воскресных дней

ПРИМЕРЫ БЛАГОЧЕСТИЯ СРЕДИ СОБЛАЗНОВ

Сведения о поведении первенствующих христиан к язычникам мы будем заимствовать из сочинений, кои по любви к одной истине писали в первых веках собственно в защиту христиан перед язычниками или в коих только случайно касались жизни их и давали им наставления в поведении равно и из достоверных жизнеописаний, которые объясняют и подтверждают писания отцев и учителей церкви о христианах.

Промыслу угодно было, чтобы первенствующие христиане, распространяясь мало-помалу, не имели до известного времени своего единоговерного императора, а были подданными императоров языческих, и за исповедание своей веры, по их отечественным законам, были осуждаемы и наказываемы, как преступники.

Архимандрит МАКАРИЙ